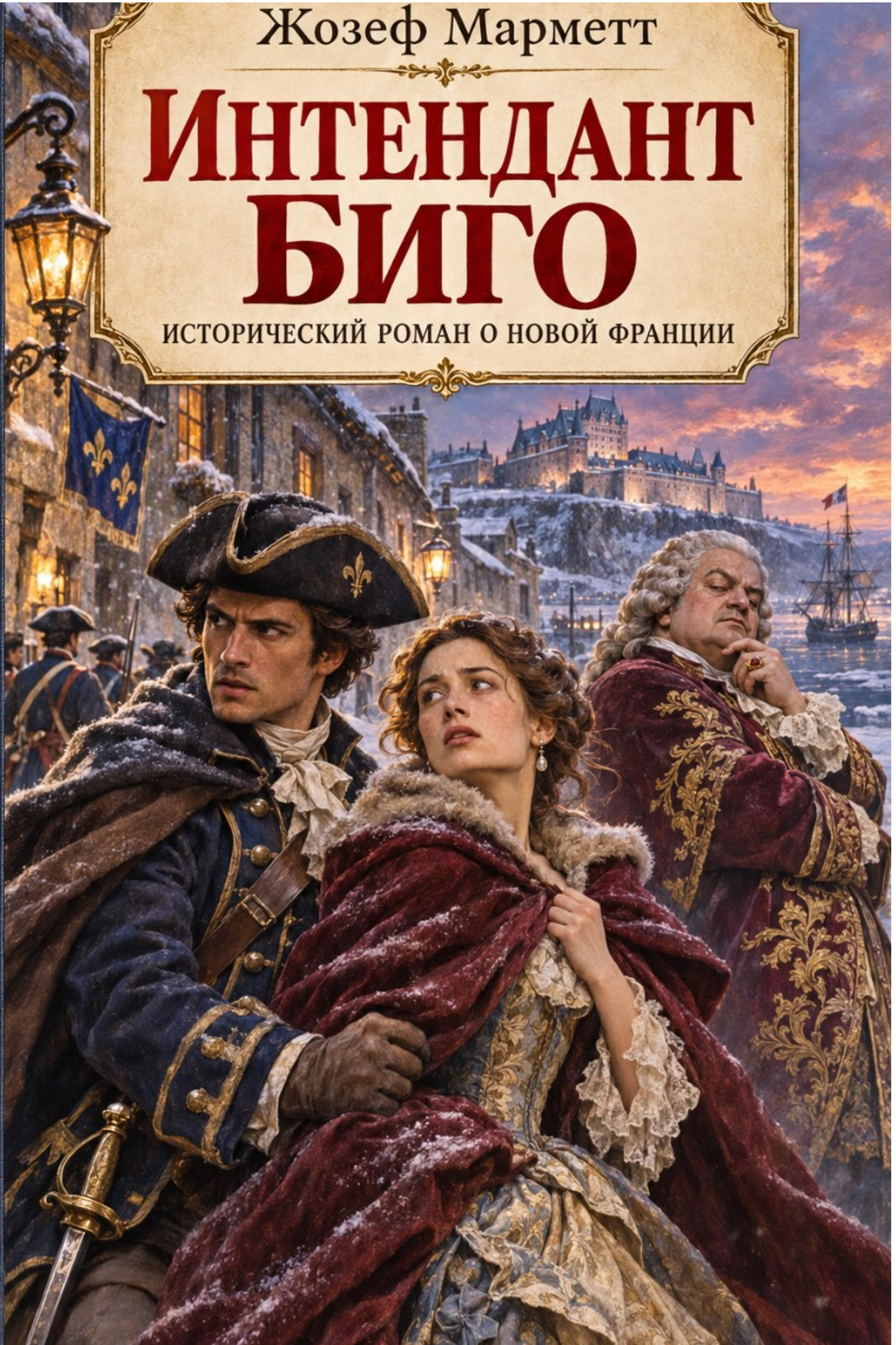
Жозеф Марметт

Интендант Биго

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН О НОВОЙ ФРАНЦИИ

Жозеф Марметт

Интендант Биго

«Автор»
2026

Марметт Ж.

Интендант Биго / Ж. Марметт — «Автор», 2026

Квебек, середина XVIII века. Пока Новая Франция готовится к войне с англичанами, её собственные правители разоряют страну. Интендант Франсуа Биго и его приближённые наживаются на голоде, устраивают роскошные пиры и плетут интриги, способные решить исход войны.Но у их власти есть и личные жертвы. Юная Берта де Рошбрюн, осиротевшая из-за жестокости властей, становится объектом опасной страсти Биго. Рауль де Болак готов рискнуть жизнью ради её спасения, однако в осаждённом городе любовь и верность проходят испытания предательством, пленом и огнём сражений.«Интендант Биго» Жозефа Марметта — исторический роман, в котором подлинные события падения французской Канады переплетаются с драмой любви, чести и мести. Здесь роскошные салоны соседствуют с тайными подземельями, а дворцовые заговоры — с отчаянной борьбой за свободу.Оригинальное произведение является объектом общественного достояния

© Марметт Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 39

Жозеф Марметт
Интендант Биго

КАНАДСКИЙ РОМАН
Перепечатано из «L'Opinion publique»
ИНТЕНДАНТ БИГО
ЖОЗЕФ МАРМЕТТ
Монреаль
Жорж Э. Дебара, издатель
1872
Зарегистрировано в соответствии с законом парламента Канады в 1872 году Джорджем Э. Дебара в канцелярии министра сельского хозяйства.

СОДЕРЖАНИЕ
ПРОЛОГ **3**
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОВЕСЫ **29**
Глава I. Охотник и добыча 30
Глава II. Замок Биго 42
Глава III. Берта 61
Глава IV. Рауль 77
Глава V. Коварство 87
Глава VI. Счастье и несчастье 99
Глава VII. Засада 111
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРЕДАТЕЛИ И ХРАБРЕЦЫ **123**
Глава I. Ночные сцены 124
Глава II. Борьба 153
Глава III. Предатели 167
Глава IV. Мадемуазель де Рошбрюн 184
Глава V. Предатели и храбрецы 215
Глава VI. Сурнуа 232
Глава VII. Удары судьбы 246
Глава VIII. Наконец! 275
ЭПИЛОГ **285**

ПРОЛОГ

I

От сильного мороза снег скрипел под быстрыми шагами прохожих, которые в ночь на двадцать четвёртое декабря тысяча семьсот пятьдесят пятого года, кутаясь в меха и хмурясь от холода, направлялись к собору славного города Квебека.

Колокол тяжёлой звонницы, силуэт которой отчётливо вырисовывался на синем, усеянном сверкающими звёздами небе, издавал глухой, сухой звук, ещё более приглушённый толстым слоем снега, миллионы кристаллических частиц которого мерцали на мёрзлой земле, словно бесчисленные светлячки, между тем как бледный лунный свет размывал широкие тени собора на большой церковной площади.

Все торопились. Ведь северный ветер кусал раскрасневшиеся щёки женщин под капюшонами их тёплых, подбитых ватой меховых накидок; а добрые горожане чувствовали, как их бороды быстро покрываются инеем от учащённого дыхания, которое становилось ещё чаще из-за поспешной ходьбы.

И потом, разве люди не спешили ещё и ради того, чтобы поскорее попасть в церковь, залитую светом от главных дверей до алтаря в честь Богомладенца?

Конечно, да: и последние удары колокола, смешиваясь со скрипом верёвки, которую мороз сделал жёсткой и которая стонала наверху, задевая одну из стен звонницы, возвещали приближение богослужения.

Уже снаружи можно было услышать радостный припев одного из тех старинных рождественских песнопений, которые завещали нам наши отцы из Франции и которые мы бережно храним. Поэтому прихожане поспешно притопывали ногами на церковной паперти, стряхивая снег, налипший во время пути, ибо ещё снаружи слышались свежие голоса юных певчих, которые во всю силу своих лёгких пели в соборе:

«Ну же, пастухи, соберёмся!»

Тяжёлая дубовая дверь только что закрылась за последним из пришедших, когда её снова открыли, чтобы пропустить старика и маленькую девочку, которым обоим пришлось пробиваться против потока верующих, чтобы выйти из церкви как раз тогда, когда почти всё население города входило в неё.

Поскольку старику пришлось немало поработать локтями, прокладывая себе дорогу, этот докучливый человек, виновник неожиданной суматохи, вызвал ропот старых богомолок, стоявших на коленях в главном проходе; перебирая чётки, они уступали ему место, лишь бормоча угрозу, перемежавшуюся обрывком молитвы «Аве».

Мужчина и следовавшая за ним девочка пришли в церковь одними из первых.

Они приблизились к алтарю, чтобы преклонить колени как можно ближе к украшенным цветами яслям, где покоился маленький восковой Иисус, при виде которого широко раскрывали глаза ребятишки, сумевшие выпросить у родителей разрешение побывать на полуночной мессе.

Они пробыли там всего несколько минут, когда маленькая девочка, чьё побледневшее от нищеты лицо при свете свечей приобретало оттенок белого мрамора, наклонилась к старику, ухватилась за его одежду и слабым голосом сказала:

— Ах, папа, как же я хочу есть! А ведь ты говорил мне, что младенец Иисус захочет дать нам хлеба!

Мужчина не ответил. Но он повернулся к дочери и долго смотрел на неё с мучительной нежностью; затем по его лицу пробежала нервная дрожь, и можно было увидеть, как две крупные слезы скатились по впалым щекам и затерялись в длинных седых усах.

Взяв девочку за руку, он с трудом поднялся, чтобы покинуть святое место.

Все смотрели на них.

Старик, лишившийся правой руки, с достоинством кутался в старую военную шинель, изношенную до нитки, но тщательно зашитые прорехи которой, эти шрамы времени, свидетельствовали о достоинстве, вступившем в борьбу с нищетой. На его груди сиял крест ордена Святого Людовика.

На маленькой девочке было лёгкое летнее платьице, которое вместо шубки прикрывал остаток офицерского мундира, о славном происхождении которого ещё свидетельствовали кое-где уцелевшие следы цветных обшлагов; вместе они лишь наполовину прикрывали её худенькое, дрожащее от холода тело.

Её жалкие чулки, слишком часто штопанные, сквозь множество дыр, которые трудолюбивая игла тщетно пыталась затянуть, открывали тонкие бедные ножки девочки, совершенно посиневшие от коварных ласк мороза; а башмачки, лишившиеся своих пряжек, словно нарочно подставляли снегу маленькие ступни, которые должны были так заботливо оберегать.

Короткой, но душераздирающей была история их бедствий.

Один из старых обломков войн за испанское и австрийское наследство, господин де Рошбрюн переселился в Канаду, где служил сначала прапорщиком, а затем лейтенантом роты морских войск вплоть до лета тысяча семьсот пятьдесят пятого года.

Это был бедный офицер, которому приходилось пробивать себе дорогу самому. Всё его состояние составлял небольшой доход, прекратившийся после смерти жены. Между тем, как отмечал господин Дорей в письме от 20 октября 1758 года, адресованном военному министру маршалу де Бель-Илю, лейтенанту, получавшему жалованье всего в сто пятнадцать ливров в месяц, было почти невозможно не умереть с голоду ввиду нехватки продовольствия, свирепствовавшей в колонии. Поэтому нетрудно представить себе, в какой крайней нужде оказались старый дворянин и его дочь после смерти госпожи де Рошбрюн, последовавшей в тысяча семьсот сорок восьмом году.

Так старый офицер кое-как прожил до лета тысяча семьсот пятьдесят пятого года, когда потерял правую руку в славной битве при Мононгахиле, где восемьсот канадцев и индейцев одержали полную победу над тысячью двумястами солдат, находившимися под командованием Брэддока.

Сделавшись инвалидом вследствие этого последнего несчастья, господин де Рошбрюн был вынужден оставить армию и к концу лета тысяча семьсот пятьдесят пятого года переведён на половинное жалованье.

Между тем уже несколько месяцев в Квебеке царила страшная нужда вследствие злоупотреблений и бесстыдного грабежа, которым предавались интендант Биго и его друзья Пеан, Дешено, Каде и другие чиновники-стервятники того же пошиба.

«У дверей булочников люди вырывали друг у друга хлеб», — говорит автор «Записок о делах Канады с 1749 по 1760 год».[1]

«Нередко можно было видеть матерей, сокрушавшихся о том, что у них не хватает хлеба для детей, и бегущих к интенданту Биго, чтобы умолять его о помощи и применении своей власти. Всё было напрасно; его окружала толпа льстецов, которые, выходя из-за обильных и изысканных трапез у него в доме, не могли понять, как можно умереть с голоду».

Старому офицеру полностью выплатили пенсию за первые два месяца.

Но когда в начале октября он явился к господину Пеану, капитану и адъютант-майору морских войск, чтобы получить половинное жалованье, ему пришлось ждать выплаты до конца месяца.

А затем ему вообще перестали что-либо платить.

Именно тогда нужда ворвалась в дом инвалида.

Слишком гордый, чтобы просить помощи, которую более состоятельные товарищи по оружию охотно оказали бы ему, господин де Рошбрюн, напротив, стремился скрыть свою бедность, закрыл двери для всех и выходил лишь затем, чтобы ещё раз попытаться добиться своего от служащих Пеана, которые, действуя заодно с хозяином и будучи, как и он, заинтересованы в расхищении королевских денег, неизменно умели выпроводить отставного офицера лживыми обещаниями.

Тогда он попытался довести свои жалобы до Биго, но этому воспрепятствовал секретарь интенданта Дешено, который, впрочем, вероятно, находился в сговоре со своим господином.

«Безжалостный Дешено, всегда настороже, — говорит автор уже упомянутых „Записок“, — отстранял всё, что могло помешать; прежде чем позволить кому-либо говорить с интендантом, у посетителей осведомлялись, что они намерены ему сказать; простодушные люди открыто называли причину своего прихода; тогда их направляли к Дешено, который сначала

[1] Это сочинение, опубликованное в 1838 году Историческим обществом Квебека, изобилует сведениями об этой мрачной эпохе нашей истории. Чтобы объяснить слишком частые ссылки на него, сразу скажу, что из него я почерпнул почти все подробности, касающиеся Биго и его сообщников.

грубо с ними обращался, а затем грозил посадить в тюрьму. Если же они упорствовали в желании поговорить с интендантом, он отправлялся предупредить его и изображал их бунтовщиками; их допускали к нему, но доводов не слушали, с ними обращались дурно, и они считали себя ещё счастливыми, если не попадали в тюрьму, так что никто не смел жаловаться».

Каково же должно было быть отчаяние старого военного, когда однажды вечером он вернулся домой после последней безуспешной попытки добиться справедливости от недостойных чиновников, перед которыми трепетали едва ли не все честные жители страны!

Наступило пятнадцатое декабря.

Зима обещала быть суровой, а дров в доме совсем не было. Из-за голода цены на продовольствие в городе взлетели до чрезвычайной высоты, и у господина де Рошбрюна едва оставался экю от последней полученной им выплаты!

Маленькая Берта, его единственная дочь, которой было тринадцать лет, особенно мёрзла в этом доме, чей пустой очаг напрасно ожидал огня, поскольку у неё совсем не было той тёплой одежды, которую заботливые матери достают из глубокого бельевого шкафа, когда весёлые дети хотят порезвиться на первом снегу, принесённом ноябрьскими туманами.

Прошлой весной Берта отдала свои уже поношенные зимние вещи маленькой нищенке. Барышня де Рошбрюн и не подозревала, что следующей зимой сама окажется столь же обездоленной, как бедняжка, которой она тогда помогла.

С двенадцатого по двадцатое декабря отец с дочерью питались скудными припасами, купленными господином де Рошбрюном на последние оставшиеся у него деньги; сам он едва осмеливался каждый день съесть два-три кусочка сухого хлеба, чтобы позволить своей маленькой Берте хоть немного утолить голод.

Когда девочка замечала необычайную умеренность отца в еде, тот отвечал, что возраст и забота о здоровье не позволяют ему предаваться излишествам за столом и что столь строгий режим ему гораздо полезнее.

В доказательство он усаживал Берту к себе на колени, подбрасывал её и пел.

Но когда он чувствовал, как озябшие руки ребёнка холодят его собственные, слёзы выступали у него на глазах и он отворачивался, чтобы поплакать незаметно.

Утром двадцатого декабря несчастный отец обнаружил, что осталось лишь несколько су, которых едва хватит на пропитание Берты в течение трёх-четырёх дней.

— Я совсем перестану есть, — сказал он себе.

И когда утром девочка окоченевшими пальцами разламывала кусок хлеба, составлявший её завтрак, отец уверял, что встал раньше неё и потому успел раньше неё поесть.

Когда наступал полдень, ветеран говорил, что в этот час дня ему не хочется есть.

А поскольку к его вечернему возвращению Берта уже лежала в постели, предполагалось, что он ужинает один.

Утром в канун Рождества Берте не хватило хлеба на завтрак. Она попросила ещё. Но хлеба больше не было!

Отец, наблюдавший за тем, как она ест, уронил голову на стол, на который опирался локтями, и заплакал.

Вот уже четыре дня героический старик не принимал ничего, кроме холодной воды!

Девочка обвила маленькими ручками отцовскую шею и, целуя его, попросила прощения за то, что причинила ему горе.

Рыдания старика усилились, затем он впал в состояние крайнего изнеможения.

Когда силы немного вернулись к нему, он увидел, что дочь, усыплённая холодом и голодом, задремала у него на коленях. Он очень осторожно уложил её в маленькую, совершенно холодную постель, заботливо укрыл и вернулся на своё место у стола.

Теперь мучительные спазмы голода поднимались из желудка обессилевшего старика к мозгу; и лихорадка галлюцинаций заставила его мысли завертеться под черепом, словно колесо.

Сначала ему пришла мысль о самоубийстве, но остаток рассудка, чей свет ещё мерцал в одном из уголков его сознания, заставил его тотчас отвергнуть её.

Затем на смену первой мысли пришла мысль о мести. Имена Биго, Дешено и Пеана звучали на его устах вместе с кровавыми упрёками и страшными угрозами.

Наконец сон снова овладел им, и он опять заснул.

Несчастному снились только закуски, небольшие ужины и пиршества.

Самые изысканные и разнообразные блюда проходили перед ним во сне бесконечной фантастической процессией. Тут были и розовые окорока, и жирные каплуны, и молодые индейки с трюфелями, и куропатки, зажаренные на вертеле, и пироги с дичью, за которыми плотной толпой следовали кремы, варенья, желе и разнообразные фрукты на десерт; а за ними выступал грозный арьергард из отборных вин.

Словом, всё, что способна придумать месть неутолённого голода, чтобы терзать мозг измученного человека.

Приглушённые стоны вывели его из этой бредовой галлюцинации.

Однако ему понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и понять, откуда доносятся эти стенания.

Это рыдала Берта, полуприподнявшись на колени в своей постели.

Господин де Рошбрюн поднялся, но ноги подогнулись под ним, и он упал бы, если бы стол не находился совсем близко от его руки.

— Что с тобой, дитя моё? — спросил господин де Рошбрюн, ощупью направляясь к кровати.

Ведь наступила ночь, и лишь несколько бледных лунных лучей освещали комнату.

— Я голодна, папа, и постель у меня такая холодная! — ответила девочка сквозь слёзы.

— Боже мой! — воскликнул несчастный отец. — Обрушьте на меня весь Ваш гнев, но ради Вашего бесконечного милосердия сжальтесь над моим ребёнком!

Внезапно на этот скорбный возглас ответил радостный звон колоколов собора и религиозных общин города.

Старик вспомнил, что завтра Рождество и что этот весёлый перезвон зовёт верующих к полуночной мессе.

— Одевайся, — сказал он Берте. — Мы пойдём к мессе, и добрый Господь, которому мы будем молиться, несомненно, захочет дать нам то, в чём отказывают люди.

И оба, дрожа от холода в ночной темноте, отправились в церковь.

Мы уже видели, что вскоре они вышли оттуда.

Сделав несколько шагов по улице Фабрик, старик остановился.

Куда же идти в столь поздний час?

Собор, часовня Семинарии и иезуитская церковь были ярко освещены; но как пойти и потревожить молящихся, чтобы просить у них помощи?

В домах, окружавших большую площадь, не было видно ни огонька. К тому же одна мысль о милостыне пробуждала всю щепетильную гордость старого дворянина.

В порыве отчаяния он поднёс руку ко лбу. При этом движении его пальцы натолкнулись на золотой крест, которым он был обязан своей храбрости.

— Ах! Как же я не подумал об этом раньше? — воскликнул он. — Разве у меня не остался мой крест? Боже мой! Мог ли я когда-нибудь вообразить, что настанет день, когда мне придётся торговать этим знаком чести! Всё равно, пойдём, Берта, нынче ночью у тебя будет хлеб! Отправимся к интендантству, где я обменяю во «Фрипонне» мой крест Святого Людовика на

немного съестного! Клавери, смотритель склада, быть может, ещё не спит, занятый подсчётом дневной прибыли!

Жители Квебека называли «Фрипонной» торговое заведение, открытое Биго близ здания интендантства с целью привлечь к себе всю торговлю и прежде всего поставки в королевские склады.

«Интендант каждый год отправлял ко двору ведомость того, что потребуется на следующий год: он мог по своему усмотрению уменьшать запрашиваемое количество, которое, впрочем, по обстоятельствам никогда не оказывалось достаточным и которое нередко ещё сокращали. Этот магазин как раз был снабжён тем, чего недоставало в королевском; поэтому уже не обращались, как прежде, к купцам и тем самым свели их торговлю к мелочной рознице».

«Нашли также способ по нескольку раз поставлять королю один и тот же товар, всякий раз заставляя его платить дороже».

Господин де Рошбрюн и Берта снова пошли дальше.

Спустившись по улице Фабрик, они свернули на улицу Сен-Жан, которую вскоре оставили, чтобы войти на улицу Бедняков, или Дворцовую.

Их худая, вытянутая тень, которую свет и положение луны заставляли ложиться на снег позади них, казалась призраком голода, неотступно преследовавшим их.

Так они шли к Дворцовым воротам: отец шатался на каждом шагу, а девочка почти теряла сознание от холода. Эти ворота вели к дворцу интенданта, стоявшему на земле, большую часть которой теперь занимают заводы, совсем рядом с рекой Сен-Шарль.

Чтобы проследить происхождение дворца интендантов, нужно вернуться почти на столетие назад по отношению ко времени нашего повествования, то есть к эпохе, когда энергичное и просвещённое управление господина Талона придало столь мощный подъём зарождавшемуся процветанию Новой Франции.

Желая основать в Квебеке пивоварню, он велел возвести на берегу реки Сен-Шарль здания, которые позднее, после значительных пристроек и украшений, стали резиденцией французских интендантов.

Дворец получил такое название потому, что в нём собирался Верховный совет.

В ночь на пятое января тысяча семьсот тринадцатого года пожар полностью его уничтожил.

Господин Бего и его молодая жена, жившие там в ту пору, едва успели спастись в домашних халатах и утратили при этом бедствии всю свою обстановку.

Из описания нового здания, составленного Шарлевуа в тысяча семьсот двадцатом году, мы узнаём, что прежнее стояло прямо у улицы, совсем близко от обрыва, и перед ним не было парадного двора.

В тысяча семьсот двадцать шестом году дворец вновь превратился в пепел и был отстроен заново.

Именно в последнем здании проживал Биго.

К нему подъезжали через большие ворота для экипажей, развалины которых ещё совсем недавно можно было видеть на улице Сен-Валье. Вход находился со стороны обрыва и укреплений, которые в этом месте ограничивали вид.

В глубине парадного двора простиралось здание дворца, большой двухэтажный павильон, оба конца которого выступали на несколько футов.

К входной двери вела лестница с двумя маршами, над которой поскрипывал флюгер маленькой колокольни, возвышавшейся посреди крыши.

Королевские склады находились во дворе справа, а тюрьма — позади.

Кухни стояли слева. И по странному совпадению сохранившаяся до сих пор дымовая труба теперь служит огромному литейному заводу господина Джорджа Биссета. Таким обра-

зом, те же камни, на которых некогда жарились молодые куропатки французских интендантов, ныне краснеют от соприкосновения с раскалённым чугуном английского промышленника.

С другой стороны вид простирался на большой парк, затем на реку Сен-Шарль и ещё дальше — на Лаврентийские горы, гордо замыкающие далёкий горизонт.

От всего этого великолепия остались лишь полуразрушенные стены, не поднимающиеся выше первого этажа.

Любознательный читатель сможет увидеть их за пивоварней господина Босуэлла и заводами господина Биссета.

Когда господин де Рошбрюн и Берта миновали городские ворота, перед ними предстал дворец, освещённый от кухонь до салонов. Каждое окно, от первого этажа до мансард, изливало потоки света на белый снежный ковёр, покрывавший сад и дворы.

У господина интенданта Биго шло пышное празднество.

— Да! — пробормотал ветеран, — пока эти негодяи там веселятся, честные люди умирают с голоду!

И, продолжая ворчать, он спустился по склону, который вёл прямо ко дворцу.

Ворота для экипажей оставили широко открытыми для гостей.

Старик с дочерью вошли во двор; свернув направо, они направились к королевским складам.

Насколько ярко сиял огнями фасад дворца, настолько мрачным был фасад торговых построек.

Старый офицер тщетно стучал в двери: в ответ он услышал лишь яростный лай дога, которого каждый вечер запирали там для охраны товаров.

Этот пёс был вернее тех, кому служил.

— Только этого последнего удара судьбы мне и недоставало, чтобы окончательно погибнуть! — воскликнул несчастный, кусая себе кулаки. — О! Если уж честным людям суждено этой ночью умереть с голоду, то по крайней мере не прежде, чем я заклеймлю своим последним проклятием негодяев, которые в том виноваты!

Подгоняемый мучительной лихорадкой, которую ещё сильнее разжигал доводящий до бреда голод, господин де Рошбрюн быстрыми шагами направился к главному входу во дворец.

У слуг было достаточно дел в других местах, к тому же вечер был уже слишком поздний, чтобы ещё требовался лакей, объявляющий гостей, которые теперь все были в сборе; поэтому никто не сторожил дверь.

Господин де Рошбрюн открыл её и вошёл.

II

Роскошным должно было быть убранство резиденции такого человека, как Биго, привёзшего из Франции пристрастие к роскоши, удобствам и неге, которыми отличалось царствование короля Людовика XV.

Впрочем, история и предание доказывают нам, что господин королевский интендант словно стремился подражать своему прославленному государю, обзаведясь, как и он, любовницами, а кроме того, как мы увидим позднее, городскими, загородными и охотничьими домами.

Поэтому мы можем без опасения утверждать, что вечером двадцать четвёртого декабря тысяча семьсот пятьдесят пятого года гостиные интенданта представляли собой самое восхитительное зрелище.

Потоки света от тысячи свечей, пламя которых вспыхивало разноцветными снопами в хрустале люстр, великолепно озаряли позолоченные панели, роскошные шпалеры и весёлые группы маленьких амуров и влюблённых голубков, целующихся на гипсовых потолках среди искусно исполненных цветочных гирлянд; высокие зеркала, казалось, удваивали количество богатой мебели из красного дерева, которую дух времени обременил ныне устаревшим изобилием резьбы и рельефных украшений.

Наконец, по мягкому турецкому ковру, в котором туфли с пряжками утопали и почти совершенно исчезали, двигались, встречаясь и расходясь, многочисленные гости, чьи блестящие наряды гармонировали с окружавшим их великолепием.

Среди всех галантных кавалеров, порхавших возле дам, которые были далеко не последним украшением этого очаровательного места, господин интендант, их хозяин, выделялся как изящным покроем и богатством своего платья, так и изысканной учтивостью манер.

На нём был жюстокор из атласа цвета зари, с очень широкими фалдами и узкими отворотами, окаймлёнными золотом. Этот нарядный жюстокор позволял видеть белый атласный жилет, из выреза которого выглядывал муслиновый галстук с очень длинными концами, спускавшимися на грудь вместе с каскадами кружев от рубашки.

Кюлоты из той же ткани, что и жюстокор, плотно облегали ноги чуть ниже колен; там их удерживали маленькие золотые пряжки, а сами они прикрывали туго натянутый чулок, под которым отчётливо обрисовывалась мускулистая икра.

Туфли на каблуках, застёгнутые золотыми пряжками, заключали его ступни.

Рыжие волосы были напудрены добела, подняты и завиты надо лбом и висками, а позади убраны в мешочек из чёрной тафты.

Парадная шпага с украшенной драгоценными камнями рукоятью из слоновой кости приподнимала сзади фалды его жюстокора.

Но природа наградила господина Биго ужасным недостатком, поскольку, как рассказывают интереснейшие мемуары господина де Гаспе, Биго издавал зловонный запах!

Поэтому он чрезмерно душил и себя, и свою одежду, чтобы близкие могли переносить его присутствие.

Франсуа Биго происходил из семьи родом из Гиени, прославившейся на судейском поприще. Первоначально назначенный комиссаром в Луисбур, где он сразу отличился выдающимися способностями к счёту, заставлявшими его всегда отдавать предпочтение вычитанию, позднее он был возвышен до должности интенданта Новой Франции, которую занимал уже несколько лет в тот момент, когда мы представляем его читателю.

Ему могло быть лет тридцать пять. Ростом выше среднего, с приятным лицом, на котором, однако, тотчас появлялось выражение хитрости и лукавства, стоило ему заговорить о делах, державшийся словно вельможа благодаря любезным манерам и расточительности, Биго сумел приобрести множество друзей.

По своему темпераменту склонный к излишествам, характерным для эпохи Людовика XV[2], он вскоре под влиянием лихорадочной жажды наслаждений, непрестанное удовлетворение которой требовало доходов в десять раз больших, чем его личные средства и жалованье, отбросил маску честного человека, которой наделила его природа. Тогда он предстал таким, каким был в действительности, то есть самым наглым грабителем, какого когда-либо французский король назначал генеральным откупщиком или интендантом.

Чтобы немного прикрыть свои поборы, он сумел склонить подчинённых и их приказчиков к молчанию, привив им такие роскошные привычки, удовлетворить которые они могли, лишь подражая его собственным злоупотреблениям.

Легко поверить, что его друзья и сообщники составляли не только подавляющее большинство, но и вообще всех его гостей. Ведь честные жители Квебека редко бывали у Биго, уже в то время внушавшего подозрения.

---

[2] В этом Биго был похож на своих предков. В этом можно убедиться, прочитав «Историйки» Таллемана де Рео, где имена предков Биго с почётом стоят рядом с именами великих людей, о любовных подвигах которых Таллеман рассказывает с несколько излишними подробностями. См., среди прочего, статью о господине Семеде, «который был влюблён в некую госпожу Биго, красивую женщину, состоявшую в браке с господином Биго, чей отец был генеральным прокурором Большого совета». Эта госпожа Биго жила в Анже.

После хозяина наибольшим успехом у дам благодаря своим остротам пользовался секретарь интенданта Брассар Дешено. Он был сыном квебекского сапожника. Мемуары того времени изображают его человеком трудолюбивым и весьма умным, но низкопоклонным. «Им настолько овладело безмерное желание скопить богатство, что он обыкновенно говаривал: возьмёт своё даже с алтарей».

Затем можно было увидеть господина Каде, сына мясника. Благодаря покровительству Дешено, которому довелось оценить его склонность к интригам, и при содействии господина Окара, предшественника Биго на посту интенданта, Каде, в молодости пасший скот у одного жителя Шарльбура, теперь исполнял обязанности главного поставщика армии.

Далее шёл морской контролёр Бреар, который, приехав в Канаду совершенно бедным, вернулся оттуда необычайно богатым; затем господин Эстеб, смотритель королевских складов в Квебеке, и его приказчик Клавери, которому, как мы уже видели, было поручено управление «Фрипонной».

Наконец, здесь был Жан Корпрон, компаньон и приказчик Каде, которого за мошеннические проделки увольняли несколько купцов, у которых он служил, а также многие другие чиновники того же сорта, имён которых история не сочла нужным сохранить.

Самым некрасивым и наименее остроумным во всём этом обществе интриганов был, бесспорно, адъютант-майор морских войск Мишель-Жан-Юг Пеан. Хотя у него не было ни способностей, ни склонности к военному делу, он получил этот высокий пост благодаря прелестям своей супруги, сумевшей понравиться господину Биго.

Госпожа Пеан была очаровательной кокеткой. По словам мемуаристов, она обладала красотой, молодостью и умом, а беседа с ней была забавной и живой.

«Интендант оставался привязан к ней всё время своего пребывания в Канаде и оказал ей столько благодеяний, что её богатству завидовали. Он регулярно проводил у неё вечера, ибо она создала вокруг себя небольшой двор из людей её склада или близких к нему, которые заслужили его покровительство своим вниманием и составили огромные состояния».

Муж закрывал глаза на связь жены с интендантом, и, поскольку благодаря Биго он быстро богател, старался благородно переносить своё несчастье, ухаживая за супругой одного из товарищей по расхищению казны — Пениссо, которому было поручено руководить в Монреале отделением «Фрипонны».

Но безжалостная хроника сообщает нам, что на этом поприще Пеану повезло немногим больше, чем в собственном доме, ибо красивая и остроумная госпожа Пениссо в конце концов предпочла ему шевалье де Леви, который увёз её с собой во Францию.

Само собой разумеется, что госпожа Пеан затмевала всех прочих женщин, которым в тот вечер двери салона интендантства открыло скорее покровительство, чем положение в обществе.

Поэтому в этом роскошном доме, где она царила как хозяйка, она чувствовала себя совершенно свободно.

Утопая в шёлковых оборках и облаках кружев-блонд, она была одета со всей великолепной безвкусицей, до которой чрезмерное стремление к изысканности доводило женщин времён Людовика XV.

На ней было платье из муарового шёлка, со свободно ниспадающей спинкой, открытым лифом и юбкой, которая особенно сильно переливалась в свете люстр, поскольку огромный панье — предок кринолина, недавно, в свою очередь, вышедшего из моды, — раздувал её до такой степени, что собеседникам приходилось держаться от неё на расстоянии шести футов.

Лестницы из лент покрывали грудь спереди платья, а большой бант с двумя петлями красовался наверху лифа, который распущенная мода той эпохи требовала делать очень глубоким; молодая женщина, с явным удовольствием выставлявшая напоказ самые белые и округ-

лые плечи, каких когда-либо касалось дыхание танцора, нисколько не помышляла жаловаться на этот обычай.

Изящное ожерелье из золота и восточных рубинов обвивало её прекрасную шею, словно змейка.

Её густые чёрные волосы, резко контрастировавшие со светлым, словно у блондинки, цветом её лица, были подняты на темени так, что образовывали вокруг лба и висков подобие диадемы, завершённой сверкающим рядом бриллиантов.

Трёхрядные манжеты из кружев, тонкого полотна и нежнейшего батиста ниспадали веером на обнажённое предплечье, круглое, белое и пухлое, словно то, о котором, должно быть, мечтал ваятель, создавший Венеру Медичи.

Когда эта женщина устремляла на мужчину голубой взгляд, в котором, словно высокие тростники по берегам прозрачного озера, отражались длинные шелковистые чёрные ресницы, и улыбка пробегала по её чувственным губам, мужчина тотчас чувствовал себя побеждённым магическим очарованием этой пленительной красавицы.

Биго, её раб, знал это слишком хорошо.

Между тем принесли игорные столы, вокруг которых разместились желавшие испытать удачу.

За исключением госпожи Пеан, с интересом следившей за игрой, остальные дамы, чопорные, натянутые и с разрумянившимися лицами, сидели в стороне.

Некоторые гости, чьи привычки к холодному расчёту в торговых делах удерживали их от риска зелёного сукна, беседовали с ними, рассеянно теребя кружева жабо, между тем как другие дамы немало забавлялись неловкостью бывшего пастуха Каде, не знавшего, что делать со своей маленькой треуголкой, отделанной галуном, которую этикет требовал держать под мышкой.

Одним из самых весёлых игроков был, несомненно, Биго, хотя его преследовало отчаянное невезение, тогда как удача благоволила Пеану, который оставался невозмутимым или издавал лишь сухой смешок, когда его поздравляли с кучей золота, всё возраставшей перед ним.

Из любви ли к мужу? Я бы, право, не осмелился ответить на этот вопрос.

Во всяком случае, госпожа Пеан следила за переменами игры в тридцать одно очко со всё возраставшим волнением.

— Двадцать два на пиках, — сказал Биго.

— Двадцать семь на червах, — ответил Пеан, раскладывая карты.

— Вы выиграли, — небрежно произнёс Биго, между тем как Пеан придвинул к себе две пригоршни золотых монет, сделав небольшое движение языком, привычное для него всякий раз, когда ему удавалась денежная операция.

— Перед вами, должно быть, тысяч двадцать франков, — снова заговорил Биго через несколько мгновений. — Если хотите, Пеан, поставим их все разом. Пора заканчивать, поскольку я замечаю, — добавил он, поворачиваясь к сидевшим в стороне дамам, — что дамам, которые не играют, скучно без танцев.

По лбу Пеана пробежала едва заметная нервная дрожь.

И в самом деле, человеку, столь жадному до наживы, было жаль рисковать такой крупной суммой за один раз. Но, чтобы не прослыть скрягой, ему всё же пришлось согласиться.

— Хорошо, — сказал он, сдавая карты, между тем как остальные, более робкие игроки покинули партию и склонились над столом, чтобы лучше видеть увлекательный розыгрыш, которому предстояло развернуться.

— Тридцать на трефах, — небрежно объявил Биго.

— Тридцать одно на червах, — взволнованным голосом ответил Пеан.

— Дешено, — снова заговорил интендант, умевший проигрывать по-вельможному и не моргнув глазом, — завтра вы отсчитаете господину адъютант-майору двадцать тысяч франков. [3]

— Чёрт побери! Как же карты... и сердце благоволят этому проклятому Пеану! — шепнул контролёр Бреар на ухо Дешено.

— Да, но лишь потому, что господин интендант играет по правилу «проиграешь — выиграешь», — добавил хитрый секретарь, украдкой взглянув на прекрасную госпожу Пеан.

— Эта Пеан, должно быть, очень любит золото, раз остаётся привязанной к этому вонючке, — сказала соседке некрасивая женщина уже не первой молодости, сидевшая без кавалера на кушетке.

— Да, дорогая; а я как раз подумала, что неприятный запах, исходящий от милейшего человека, несмотря на все духи, которыми он старается его перебить, возможно, и есть причина невероятной ширины панье его любовницы: так она умеет держать... по крайней мере в обществе, своего возлюбленного на почтительном расстоянии.

И завистница бросила жадный взгляд на переливающееся платье, пышными складками окружавшее женщину, которой она завидовала.

Игорные столы унесли.

— Не вы ли говорили недавно, Бреар, — спросил Биго, подходя к дамам, — что горожане громко жалуются на подать, которую мы возложили на них для содержания казарм?

— Да, сударь. Некоторые даже не ограничиваются ропотом, а угрожают.

— Подумаешь! Какая разница, лишь бы платили!

Это повторение знаменитого изречения Мазарини имело шумный успех и заставило придворных Биго расхохотаться.

— Да, смейтесь, господа! — словно эхо ответил звучный голос, донёсшийся из дальнего конца комнаты.

Женщины в испуге обернулись, мужчины — с удивлением.

И все увидели у дверей салона старика, скорее похожего на призрак, с впалыми щеками и глазами, запавшими от нужды.

Позади него виднелась любопытная головка бледной девочки, чьи большие чёрные глаза с робостью и изумлением разглядывали блистательное собрание, поразившее их обоих.

Это были господин де Рошбрюн и его дочь, которых из-за слабого света вдали от люстр никто не мог узнать в дальнем углу, где они стояли.

— Продолжайте! — заговорил старый военный могучим голосом, не раз перекрывавшим шум битв. — Веселитесь, неверные слуги, ибо господин далеко, а народ, которого вы безжалостно грабите, склоняет голову! Ну же! Никакого стыда, здесь вы всесильны, а грабёж ведёт к оргии! Как приятно, не правда ли, распутникам вашего сорта упиваться за столом, когда весь город охвачен голодом! Конечно, я понимаю, что эта особая прелесть возбуждает аппетит даже у пресыщенного желудка!

«Однако берегитесь, господа мои, ибо от мошенничества до предательства всего один шаг! И если вор рискует по меньшей мере своей репутацией, то предатель ставит на карту голову.

«Слушайте! — продолжал старик, словно охваченный внезапным озарением. — Враг приближается... Я слышу вдали шум его авангарда, переходящего границу... Не имея продовольствия и боеприпасов, наши солдаты, уступающие в численности, отступают впервые... Англичане следуют за ними... Они приближаются... Они уже здесь, и я вижу, как их сомкнутые батальоны окружают наши стены... Хотя солдат, ополченец и крестьянин изнурены голодом и борьбой, они с упорством оспаривают у чужеземца землю отечества!.. Победа, быть

[3] История говорит нам, что, пока бедняки умирали с голоду на улицах Квебека, у Биго шла неистовая азартная игра и что за один сезон интендант проиграл двести тысяч франков.

может, уже готова увенчать их мужество... Но нет! Бесстыдные люди сказали себе: „Настало время заглушить шум, поднятый нашими поборами, грохотом падения страны, которой мы так дурно управляли... Договоримся с англичанами...“ И я вижу, как наши столько раз побеждённые враги, ведомые предателем, застают врасплох и сокрушают наших братьев! Позор и несчастье! Именно вы подкупите этого предателя!

«О! Пусть проклятие умирающего старика, первой жертвы ваших грабежей, заклеймит память о вас и, словно погребальный призрак, сопровождает вашу агонию на пороге вечности!»

Ошеломлённые этим внезапным появлением, давившим на них, словно угрызение совести, покорённые громовым голосом, столь дерзко бросавшим им в лицо их преступления, все — господа, дамы и челядь — слушали, не находя сил прервать его.

Первым пришёл в себя Биго.

— Чёрт возьми, негодяи! — закричал он растерянным лакеям. — Неужели вы не выставите этого разъярённого безумца за дверь?

— Прочь, мужланы! — воскликнул Рошбрюн, который пересёк переднюю в обратном направлении и вышел из дворца; за ним на почтительном расстоянии следовали слуги, не осмеливавшиеся приблизиться.

Когда самый смелый из них высунул голову из приоткрытой двери, он увидел, как старик пошатнулся и тяжело рухнул на нижнюю ступень крыльца.

— Да чёрт с ним, со старым сумасшедшим! — бросил лакей, закрывая дверь, которую на этот раз поспешил запереть изнутри.

— Слыханное ли дело, какая наглость! — роптали гости.

— Ба! Пустяки, — отозвался Биго. — Только впредь я позабочусь о том, чтобы наши собрания проходили вне досягаемости подобных негодяев. Ну же, дамы, полагаю, немного танцев приведут вас в себя. Скрипки! Гавот!

И пока первые аккорды заказанной мелодии разносились под высокими потолками зала, интендант предложил руку госпоже Пеан, с которой открыл бал.

Через несколько мгновений, глядя на оживлённость мужчин и кокетство женщин, никто не поверил бы, что только что гнев и страх заставили содрогнуться эту толпу, теперь опьянённую музыкой и танцем.

Между тем человек с благородным сердцем в это самое время умирал от холода и голода на ступенях дворца.

Едва он вышел из интендантства, как лихорадочное возбуждение, на мгновение вернувшее господину де Рошбрюну силы, совершенно покинуло его.

Выйдя из царившего во дворце тёплого воздуха на мороз, он тотчас почувствовал слабость. Ноги скользнули по затвердевшему снегу; он упал.

Немного придя в себя от криков Берты, увидевшей его падение, он захотел подняться, но сломленные силы отказали ему в помощи, и голова снова тяжело упала на порог.

Девочка опустилась на колени возле него прямо в снег, обвила худенькими ручками шею старика и тщетно пыталась поднять отца.

Но, увидев, что её усилия напрасны:

— Пойдём, папа, — всхлипывая, произнесла она, — мне страшно! Вернёмся домой, там по крайней мере не так холодно, как здесь.

Несчастный, которому дочь немного помогла, приподнял голову.

Внезапно его глаза застыли с пугающей неподвижностью; затем он, казалось, стал прислушиваться к ветру, со свистом проносившемуся над снегом, словно желая лучше расслышать далёкий шум.

— Слушай, дитя! — сказал он глухим голосом.

И в самом деле, слышались какие-то жалобные голоса, плакавшие в ночи.

Эти мрачные звуки доносились с реки Сен-Шарль, омывавшей дворцовые сады по другую сторону интендантства.

То было дуновение северного ветра, смешивавшееся с шумом волн, стонущих, когда они разбивались о льдины у берега, в устье реки.

В ту же минуту бойкие ноты танцевальной мелодии вырвались из дворца радостными переливами трелей и пронзили слух двух несчастных, словно насмешливый взрыв смеха.

— О, подлые предатели!.. — пробормотал старый офицер, охваченный бредом. — Они отдают нас врагу!.. Слышите, солдаты?.. На них! Приготовить оружие!.. Целься!.. Огонь!..

Голова его вновь упала на камень.

Оцепенение, вызванное холодом, перешло с его конечностей на мозг, и он уснул.

Но этот сон был сном смерти, навеки закрывшей веки храбреца.

Маленькая Берта долго плакала; и после бесплодных попыток разбудить отца, которого считала уснувшим, холод так сильно овладел и ею, что она сползла на труп старика и осталась лежать неподвижно.

Бал закончился, и гости господина интенданта, тепло закутанные в меха, только что попрощались с хозяином.

Тот вёл под руку госпожу Пеан, чья лебединая шея утопала в пуху богатой пелерины. Он собирался проводить её до саней.

— Но где же ваши слуги? — спросил Биго, выходя на крыльцо. — Я их не вижу. А! Понимаю. Эти господа кутят на кухне вместе с моими слугами, своими приятелями. Ведь экипажи я вижу с этой стороны.

В этот миг молодая женщина издала ужасный крик.

Она наступила на труп господина де Рошбрюна.

— Слуги! Факелы! — крикнул интендант.

Тотчас выбежали лакеи с факелами.

— Опять этот человек! — произнёс Биго, склонившись над неподвижным телом.

Привлечённые криками и светом, добрые горожане Сен-Рока, возвращавшиеся с полуночной мессы домой, вошли во двор дворца и приблизились к группе, на которую пламя факелов, колеблемых ветром, бросало странные и дрожащие отблески.

Один из лакеев приложил руку к груди господина де Рошбрюна там, где сердце.

— Старик мёртв, — сказал он.

— Тем лучше для него, — проворчал Биго, — ведь этот человек был докучлив!

— Но девочка жива, — продолжил слуга. — Она ещё дышит.

— О, бедняжка! — сказал простолюдин, наклоняясь к Берте и поднимая её на руки. — Я небогат, но никто никогда не скажет, будто Жан Лавигёр позволил созданию Божьему замёрзнуть насмерть.

Он протиснулся сквозь толпу и удалился с ребёнком.

— Боже мой! — произнесла госпожа Пеан, которую Биго, бедную женщину, всё ещё полубесчувственную от страха, испытанного при прикосновении к трупу, поместил в её экипаж, — Боже мой! Этой ночью я уж точно не сомкну глаз!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОВЕСЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОХОТНИК И ДОБЫЧА

Прошло четыре года.

Горизонт Новой Франции, уже затянутый грозными тучами ко времени смерти господина де Рошбрюна, становился всё мрачнее.

Четыре года на наших границах свирепствовала война, и, несмотря на героическую доблесть, проявленную нашими ополченцами и французскими солдатами, несмотря на блестящие победы при Мононгахиле, Шуагене, Уильям-Генри и Карильоне, наша гибель близка.

Одержав победу на Огайо и овладев Фронтенаком, этим арсеналом французского флота на озере Онтарио, англичане только что захватили также Луисбург, американский Дюнкерк, владение которым открывает им доступ к реке Святого Лаврентия, то есть дорогу к Квебеку. Эта последняя победа имеет для них величайшее значение, поскольку оставляет Канаду без защиты со стороны моря и прерывает наше сообщение с Францией.

И всё же одному Богу известно, как нуждались мы в помощи метрополии, имея не более пятнадцати тысяч человек против шестидесяти тысяч бойцов, готовых обрушиться, словно стая хищных птиц, на наши оголённые границы.

Поэтому господин де Водрёй, понимая, что главной опорой обороны станет ополчение, поскольку в колонии осталось лишь пять тысяч пятьсот солдат регулярных войск, только что распорядился призвать поголовно всё мужское население от шестнадцати до шестидесяти лет.

Наши канадцы с благородным воодушевлением откликнулись на этот тревожный призыв, и можно было видеть, как даже двенадцатилетние дети и восьмидесятилетние старики спешили на помощь этим пяти тысячам солдат, своим братьям, чтобы вместе с ними спасти честь французского знамени.

К трудности отражения превосходящих сил противника тем небольшим числом бойцов, которое ещё можно противопоставить ему, прибавляется почти полное отсутствие продовольствия.

Ведь непрерывные походы, на протяжении четырёх лет удерживавшие на границе в тёплое время года колонистов, способных носить оружие, привели к чрезмерному запустению земледелия, столь необходимого колонии, снабжение которой и без того затруднено расстоянием до метрополии и английскими крейсерами, преграждающими путь к ней.

Но столь велико всеобщее терпение, что военный комиссар-ординатор господин Дорей даёт следующее прекрасное свидетельство о верных жителях колонии, которую Франция почти без помощи отдала на милость английской алчности: «Народ гибнет от нужды, однако терпеливо переносит свои страдания!»

Это мужество тем величественнее, что все сознают его почти полную бесполезность, ведь господин де Монкальм, проникнутый тем же духом, что и его солдаты, только что написал ко двору: «Он будет защищаться до конца, решив быть погребённым под развалинами колонии».

Все поняли, что последнее, что остаётся сделать, — достойно умереть, и готовятся к этому без единого ропота, который мог бы помрачить блеск столь прекрасного мужества.

Под столь печальными предзнаменованиями начинается кампания тысяча семьсот пятьдесят девятого года.

Вот какие меры предприняли губернатор господин де Водрёй и главнокомандующий господин де Монкальм, чтобы оказать неприятелю сопротивление, насколько возможно действенное при малочисленности наших войск и огромной протяжённости границ.

Храбрый капитан Пушо из Беарнского полка ещё в первых числах мая тысяча семьсот пятьдесят девятого года отправился занять форт Ниагара, чтобы защитить наш правый фланг от войск генерала Прайдо, которому поручено захватить этот же форт и перерезать наше сообщение с Луизианой.

Господин де ла Корбиньер также направился в форт Фронтенак (ныне Кингстон), чтобы завершить его укрепление, а затем, действуя совместно с тысячью двумястами солдат господина де ла Корна, сдерживать Прайдо и не дать ему двинуться на Монреаль.

В центре храбрый и преданный Бурламак только что разместил свои две тысячи шестьсот человек в зарослях по берегам озёр Сен-Сакреман и Шамплен, чтобы остановить двенадцать тысяч захватчиков под командованием генерала Амхерста, преемника Аберкромби.

Наш левый фланг будут защищать тринадцать тысяч семьсот восемнадцать солдат, ополченцев и индейцев под командованием Монкальма, Леви и Бугенвиля от грозного натиска генерал-майора британской армии Джеймса Вольфа. В мае он погрузился на суда в Луисбурге и направился к Квебеку с одиннадцатью тысячами десантных солдат и восемнадцатью тысячами моряков.

Поскольку укреплением Квебека пренебрегли, было решено прикрыть город укреплённым лагерем, левый фланг которого должен опираться на реку Монморанси, а правый соединяться со столицей посредством понтонного моста через реку Сен-Шарль.

Благодаря усердию господина де Бугенвиля укрепления лагеря в Бопоре уже значительно продвинулись, когда мы просим читателя последовать за нами во дворец интенданта к исходу двадцать третьего дня июня.

Сейчас семь часов вечера. Солнце, величественно опускающееся к горизонту, вскоре скроется за вершинами лесистых гор, возвышающихся над гуронской деревней Лоретт.

Золотые лучи заходящего солнца, рассыпающиеся по долине реки Сен-Шарль и бросающие последние отблески на дремлющие воды великой реки, ещё более оживляют картину, простирающуюся от города до лагеря Бопор.

Длинная вереница повозок, запряжённых лошадьми и волами, везёт со складов интендантства в лагерь военное имущество и боеприпасы.

Скрип повозок под тяжестью пушек или пирамид ядер, крики и ругань возниц, ржание лошадей и мычание волов, чьи тени причудливыми силуэтами ложатся вдоль дороги, — все эти близкие звуки сливаются с далёкими ружейными выстрелами ополченцев, упражняющихся в залповой стрельбе в Ла-Канардьер и Бопоре.

Когда солнце исчезает за Лаврентийскими горами, чьи зубчатые вершины вырисовываются на ослепительно светлом горизонте, а холмы Шарльбура и Бопора начинают погружаться в тень, Биго появляется на крыльце дворца в сопровождении своего злого гения Дешено и нескольких других приятелей.

Эти господа в охотничьих кафтанах из зелёного сукна, отделанных галуном, смеясь, спускаются по ступеням и направляются к великолепным лошадям, нетерпеливый пыл которых с трудом сдерживают несколько слуг, одетых как доезжачие.

За исключением бывшего смотрителя королевского склада Эстеба, который, чрезвычайно разбогатев, оставил службу и в течение тысяча семьсот пятьдесят седьмого года отбыл во Францию, и его преемника Клавери, умершего через восемь месяцев после назначения, приятели господина Биго почти те же, с кем мы уже познакомили читателя.

Интендант только что вскочил в седло с ловкостью опытного наездника, а затем знаком подозвал к себе младшего служащего, который, по-видимому, ожидал приказаний на почтительном расстоянии.

— Ну что ж! — сказал ему Биго, — моё присутствие ещё требуется здесь сегодня вечером?

— Нет, господин интендант; но позволите ли вы спросить, когда вернётесь?

— Гм… завтра после полудня, — небрежно ответил Биго, пришпорил коня, выехал со двора и через улицу Су-ле-Кото[4] направился к предместью Сен-Рок, тогда как его друзья последовали его примеру, а поодаль за ними ехали верхом слуги в ливреях.

— Чёрт возьми! — воскликнул интендант, оборачиваясь к Дешено, — неужели эти негодяи думают, что я должен денно и нощно заниматься делами! С тех пор как господа де Монкальм и де Леви три недели назад прибыли из Монреаля, у меня не было ни минуты передышки! К дьяволу английский флот и этого проклятого Бугенвиля, который вот уже пятнадцать дней причиняет мне столько хлопот своими укреплениями!

[4] Сегодня это улица Сен-Валье.

— Разве я был не прав, — сказал секретарь, — предложив эту поездку в Бомануар?

— Ещё как прав, Дешено! И я тем более вам благодарен, что в моём доме в Шарльбуре мы устроим первую охоту в нынешнем сезоне. Невыносимо подумать, что дожди прошлого месяца и эта проклятая подготовка к обороне не позволили нам с прошлой осени поднять ни единого зайца!

— Зато теперь мы сможем с лихвой вознаградить себя за столь долгое лишение. Ведь Жак, ваш главный ловчий, уверяет меня, что неподалёку от Бомануара нашёл берлогу медведя необычайной величины, не говоря уже о том, что дальше по сломанным веткам он обнаружил следы лося с десятью отростками на рогах. Я приберёг для вас этот сюрприз.

— Вы слышали, господа! — воскликнул Биго, оборачиваясь к друзьям. — Клянусь святым Губертом! Славно будет завтра погонять лося, загнав прежде медведя в его берлогу.[5] Но, чёрт побери! Какая хорошенькая девушка!

Интендант пустил коня шагом, а затем и вовсе остановил, чтобы получше рассмотреть молодую женщину, которая шла к городу и должна была поравняться с нашими всадниками.

Несколько минут назад они оставили позади последние дома предместья Сен-Рок и теперь ехали полями, тогда пустынными, на месте которых сегодня раскинулся многолюдный приход Сен-Совер, к Общей больнице, от которой Биго и его друзья находились всего в нескольких арпанах.

Подражая хозяину, его придворные остановились, и смущённая девушка вынуждена была, краснея, пройти между двумя рядами бесцеремонно разглядывавших её людей.

Эта девушка была действительно очаровательна.

Её стройный стан свободно покачивался при каждом шаге; ведь отсутствие панье, тогда столь модных, придавало её движениям всю их гибкость и подчёркивало совершенную соразмерность груди и бёдер, совершенство которых позволяло угадывать длинное приталенное платье.

Её маленькая рука, тонкое запястье которой было видно благодаря широкому рукаву, свободно спадавшему на предплечье, чуть приподнимала подол платья, открывая две детские ножки, красоту которых необыкновенно выгодно оттеняли изящные сафьяновые ботинки.

Чёрные волосы, перевитые свисающими ленточками, были прежде всего покрыты корнетом — маленьким чепцом, обязательным для представительниц высшей буржуазии того времени; затем мантилья, лёгкий шарф, кокетливо наброшенный на голову, концы которого спадали и завязывались на груди, завершала этот старинный и прелестный головной убор.

По мере её приближения черты лица девушки становились всё отчётливее. Оттого, что их видели вблизи, они, разумеется, ничуть не проигрывали.

Юная особа была брюнеткой, однако природа и солнце словно сговорились пощадить цвет её лица, которому могли бы позавидовать весьма хорошенькие блондинки.

Складки её мантильи были уложены так, чтобы подчёркивать очертания чистого, слегка выпуклого лба.

Её большие чёрные глаза под смело очерченными дугами бровей цвета чёрного дерева говорили о твёрдости характера, которой нисколько не противоречил нос с чуть орлиным профилем.

Что же до её губ, выразительных по цвету и очертаниям, то, казалось, они привыкли часто смеяться, и ямочки, поселившиеся в уголках рта, при необходимости служили тому несомненным подтверждением.

---

[5] По словам господина Монпети, который исходил леса в окрестностях Бомануара — скорее как археолог, нежели как охотник, — там ещё сохранились следы дорог, некогда проложенных в лесу возле замка Биго для псовой охоты. По преданию, Биго заставлял крестьян Шарльбура, очень боявшихся интенданта, прокладывать эти дороги.

Наконец, девственный румянец розовых щёк смягчал ту раннюю зрелость, которую смелость черт этого кокетливого личика могла бы придать семнадцатилетней девушке.

— Эй! Красавица! Куда это мы направляемся так поздно? — спросил её Биго, желая заставить девушку поднять голову, чтобы получше её рассмотреть.

— Чёрт возьми! — пробормотал интендант, — она не просто хорошенькая, она красавица! Какие глаза! А эти губы!.. Гм!

Девушка не смогла удержаться от того, чтобы бросить быстрый взгляд на заговорившего с нею человека. Но едва она его разглядела, как на её лице сразу отразились ужас и ненависть. Она резко отвернулась и ускорила шаг, чтобы миновать группу назойливых всадников.

Нужно было, чтобы это внезапное чувство пустило давние и глубокие корни в столь юном сердце, раз оно вызвало взгляд глубочайшего отвращения, которым прелестная девушка, проходя мимо, наградила такого галантного кавалера, каким был господин Биго.

— Ох! Ах! Ах! Какая очаровательная гримаска! — сказал себе интендант. — Клянусь честью! Меня охватило неистовое желание приручить этого дикого, прекрасного бесёнка!

— Сурнуа! — крикнул он своему камердинеру, который повсюду за ним следовал.

Тот пришпорил коня и подвёл его вплотную к лошади хозяина.

Биго наклонился к слуге и некоторое время говорил с ним вполголоса.

Поистине безобразно было лицо Луи Сурнуа;[6] и если сходство грубых наклонностей сближало слугу с господином и господина со слугой, то природа оказалась ещё небрежнее — или, вернее, последовательнее, — наделив этим уродливым лицом слугу изящного, но развращённого Биго.

Единственным внешним сходством между ними были рыжие волосы, причём волосы Сурнуа были настолько рыжими, что пудра лишь едва приглушала их неприятный цвет.

Лоб у слуги был шероховатый, низкий и покатый. Его слезящиеся глаза грязновато-коричневого, почти жёлтого цвета так выпирали из орбит, что выдавались вперёд за линию носа, приплюснутого посередине и вздёрнутого на конце, с широкими ноздрями, словно раструб охотничьего рога.

Циничная усмешка беспрестанно приоткрывала его плоские синеватые губы; а поскольку рот, растянутый до ушей, обнажал два грозных ряда жёлтых, неровных и острых зубов, челюсти его чрезвычайно походили на волчьи.

Его квадратный подбородок, соединённый с шеей могучими сухожилиями, свидетельствовал о необыкновенной силе челюстей, которую вполне подтверждал самый прожорливый аппетит.

Короткое, крепко сложенное тело и широкие плоские ступни служили пьедесталом и стволом этой шутовской капители, во всех отношениях достойной занять место среди причудливых колоннад пагоды Джагрената.

Сурнуа был пьяницей, о чём сразу говорил багровый цвет его лица, и лгуном, столь же тщеславным, сколь и сварливым с ровней. Но с хозяином он был так услужлив и подобострастен, его узкий череп вмещал столько дьявольских выдумок, когда слуга желал польстить дурным страстям интенданта, что тот не променял бы его даже на самого учтивого оруженосца, какой когда-либо передавал распоряжения в приёмной знатного сеньора.

— Держи! — сказал Биго, бросая на руку Сурнуа широкий плащ, который хозяин вёз позади седла на случай дождя. — Ты тщательно закутаешь её в него. Действуй быстро и берегись любопытных!

---

[6] Настоящее имя камердинера Биго было Луи Фрумуа; я обнаружил его в счётных книгах моего деда по материнской линии, господина Жана Таше, богатого квебекского негоцианта, которого разорило завоевание. История сообщает нам, что господин Таше вместе с партией честных людей колонии боролся против кружка Биго.

Сурнуа, поклонившись, повернул поводья и пустил коня галопом по направлению к городу, тогда как интендант и его свита продолжали двигаться к Общей больнице.

В то время через реку Сен-Шарль ещё не было моста: её пересекали на «сестринском пароме», который связывал земли дам Общей больницы с противоположным берегом.

Пока Биго нетерпеливо окликает перевозчика, возвращающегося с другого берега реки, куда он переправил какого-то жителя Шарльбура, вернёмся немного назад, чтобы проследить за Сурнуа и его таинственным поручением.

Слуга скоро догнал девушку, которая инстинктивно ускорила шаг, стараясь приблизиться к жилищам.

Вечерний сумрак всё сгущался, и девушка едва различала первые дома Сен-Рока, до которых её отделяло ещё около десяти арпанов пути, когда за спиной услышала лошадиный галоп.

Охваченная смутным предчувствием, она захотела побежать, но ледяной страх сковал её движения.

— Знаете ли вы, прелестное создание, — сказал Сурнуа, останавливаясь рядом с нею, — что своей несравненной красотой вы ослепили моего господина? Потому-то он и послал меня предложить вам небольшую прогулку в Бомануар. Он велел добавить, что сегодня вечером в замке будет прекрасный ужин, на котором вы, несомненно, согласитесь председательствовать.

Близость жилья не оставляла слуге ни возможности, ни времени для предварительных церемонных речей.

— Мне вовсе не нужно предложение вашего господина, и я могу обойтись без вашего назойливого общества, — ответила наша героиня голосом, которому тщетно старалась придать больше уверенности, ибо бедное дитя дрожало всем телом.

— О! Признаюсь, мадемуазель, — возразил Сурнуа, направляя лошадь так, чтобы девушка не могла убежать, — со всем смирением признаюсь, что прелести моего лица не достойны прелестей вашей особы. И всё же мне не раз случалось встречать на своём пути довольно соблазнительные личики, к тому же не слишком жестокие. Правда, — пробормотал про себя безобразный слуга, — эти победы стоили мне немалых денег!

— Боже мой! Сударь, чего же вы от меня хотите? — спросила девушка умоляющим, испуганным голосом.

— Посадить вас позади себя на лошадь, мадемуазель, и, словно верный оруженосец былых времён, отвезти в замок моего господина и повелителя.

— Умоляю вас, добрый сударь, дайте мне пройти! — вскрикнула бедняжка, молитвенно сложив свои прекрасные руки, оказавшись зажатой в углу, который образовывали грудь лошади и изгородь вдоль дороги.

Сурнуа, в одно мгновение задумав и осуществив этот стратегический манёвр, перебросил поводья через верх ближайшего кола и молниеносно соскользнул на землю.

Прежде чем девушка успела как следует позвать на помощь, он заткнул ей рот, связал тонкие запястья своим носовым платком и завернул её в широкий плащ, переданный ему интендантом.

Пленница всё же успела вскрикнуть, но этот призыв затерялся среди смутных возгласов возниц, доносившихся оттуда, из сумеречной тьмы.

Впрочем, сопротивлялась она недолго, ибо, обезумев от внезапного нападения, потеряла сознание от ужаса.

И, тотчас повернув назад, похититель пустил лошадь во весь опор к сестринскому парому, который перевозчик, прилагая всю силу рук, возвращал на этот берег реки.

Сурнуа смог без труда посадить её перед собой на лошадь, предварительно, однако, снова взяв в руки поводья.

— Господин интендант приказал соблюдать строжайшую тайну, — сказал Сурнуа перевозчику, который, казалось, с любопытством поглядывал на человеческую фигуру, проступавшую под тканью плаща.

Чтобы заставить перевозчика молчать, Сурнуа сунул ему экю прямо между зубов.

Несколько минут спустя перевозчик, опираясь на шест, отдыхал на другом берегу, тогда как слуга Биго уже скакал галопом по дороге в Шарльбур.

— Похоже, приближение неприятеля не мешает господину интенданту развлекаться, — подумал перевозчик, успевший заметить под плащом красивую ножку девушки, когда Сурнуа заставил свою лошадь спрыгнуть на берег. — Я частенько говорил себе, что мне крупно повезло: Жозефта уже не первой молодости. Ведь этот человек — сущий дьявол для женщин!

Когда он входил в свой домишко, стоявший близ переправы, стук подков, мерно ударявших о камни дороги, уже затихал вдали, в ночи.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЗАМОК БИГО

Если в окрестностях Квебека и есть место, одно название которого пробуждает в воображении целую стаю легендарных воспоминаний, то это, несомненно, Бомануар, или замок Биго.

Поросшие мхом развалины Бомануара, расположенные посреди уединённых лесов, над которыми возвышается гора Шарльбур, обязаны своей таинственной славой как собственному одиночеству, так и сомнительной репутации интенданта Биго, прежнего владельца этого дворянского жилища.

Если это место кажется весьма подходящим для того, чтобы завершать охотничьи удовольствия весёлыми ужинами по образцу пиршеств Оленьего парка, то и укромная тень высоких деревьев, и зловещий вой северо-восточного ветра в лесу долгими осенними и зимними ночами в не меньшей степени придали суеверно-страшный отпечаток этому дому, покинутому после поспешного отъезда хозяина.

Ведь воображение деревенских рассказчиков, возбуждённое по вечерам порывами ветра, который ревёт снаружи и с жалобными стонами воет в трубе, смело вышивает причудливые узоры на канве исторических воспоминаний, пока женщины и дети, дрожа от страха, теснятся вокруг повествователя, который и сам находится под впечатлением рассказываемых им мрачных преданий.

Развалины замка Биго расположены у подножия горы Шарльбур, в семи или восьми милях от Квебека.

Сразу за церковью Шарльбура путешественник оставляет Королевскую дорогу и сворачивает на другую, которая поворачивает под прямым углом, а затем начинает петлять в самой чаще леса.

Прежде чем вступить в лес, путешественнику невольно хочется бросить последний взгляд назад, на склоны Шарльбура и Бопора, где прекрасные хлебные поля словно катят золотые волны под лёгким ветерком и тёплыми лучами августовского солнца.

Затем взгляд опускается на дно долины, блуждает по реке Сен-Шарль и следует за её прихотливыми изгибами до устья, где она вливает свою дань в воды великой реки, которая дальше обнимает остров Орлеан своими исполинскими рукавами.

Наконец взгляд останавливается на возвышенностях города, где тысячи жестяных крыш и стройные колокольни сверкают на солнце и величественно выделяются на фоне голубого неба.

По мере того как путник углубляется в лес, этот пейзаж постепенно исчезает за деревьями.

Первыми пропадают из виду остров Орлеан и плодородные склоны Бопора и Шарльбура. Ещё несколько шагов — и воды реки Сен-Шарль и великой реки, отливающие золотом при дневном свете, тоже скрываются из глаз.

Наконец крыши и колокольни столицы в последний раз блеснут сквозь ветви, и вскоре вокруг остаются лишь густые заросли деревьев, чьи зелёные вершины колышутся с нежным шелестом под необъятным небесным сводом.

После получаса пути в полном уединении выходишь на поляну, на плоскогорье, над которым возвышаются три разрушенные стены.

Перед вами всё, что осталось ныне от замка Биго: две торцовые стены и одна внутренняя несущая стена. Что же до остального здания — крыши, фасадных стен, балок и перекрытий, — то почти всё обрушилось под тяжестью неодолимого колена времени.

Благодаря любезности моего друга господина Монпети мне стал известен номер «Harper's New Monthly Magazine» за 1859 год, в котором имеется рисунок развалин Бомануара. Этот рисунок, по-видимому, точен, поскольку сопровождается несколькими видами окрестностей и главных зданий Квебека, воспроизведёнными с большой достоверностью.

Когда автор, американский путешественник, посетил развалины Эрмитажа, фасадные стены ещё стояли, так что можно установить, что на каждом этаже фасада имелось по семь проёмов. Входная дверь находилась посередине нижнего этажа, между шестью окнами, в которых не было ничего готического, вопреки тому, что утверждает господин Амеде Папино в своей легенде о Каролине.

Видно, что хозяин вовсе не требовал архитектурных изысков при сооружении этого прочного особняка, устроенного скорее ради удобства, нежели ради услаждения взора.

Здание имело пятьдесят пять футов в длину и тридцать пять в ширину. Внутренняя стена находилась очень близко к восточной стороне, поскольку справа между нею и торцовой стеной оставалась ширина лишь двух окон. Следовательно, большие помещения — столовая, приёмная гостиная, а также спальни хозяина и его гостей — должны были находиться слева.

Как говорит господин Лемуан в первой серии своих «Maple Leaves», в подвале видна небольшая дверь, проделанная в западной стене; она сообщается с каменным сводом, который, несомненно, служил основанием башни, упоминаемой господином Папино, посетившим Бомануар, должно быть, в 1831 году.

Прежде чем добраться до развалин, приходится перейти ручей, который бежит, журча, по камешкам.

Позади покинутого жилища возвышается гора Шарльбур, с которой, говорят, открывается великолепный вид на Квебек и его окрестности.

Несколько сиреневых кустов, сливовые и яблоневые деревья и одичавшие кусты смородины свидетельствуют о том, что некогда в Бомануаре существовали сад и плодовый сад. Но первобытный лес ныне вновь вступил в свои права на прежнее владение, и тенистые аллеи, некогда тянувшиеся вдоль пёстрых цветников, исчезли, как исчезли прекрасные дамы и галантные кавалеры, некогда рассеянно ступавшие по ним.

В тихом замке интенданта только что пробило девять часов вечера.

Луна поднимается из-за высоких деревьев, отбрасывающих таинственные тени на лужайку и цветы клумб; любопытная, она словно хочет украдкой заглянуть внутрь дома, ибо её бледный свет серебрит тёмные стёкла фасадных окон.

Но любопытство её осторожно: ведь кто когда-нибудь узнает, какие тайны подсмотрела она, прижимая свой прозрачный лоб к окнам замка?

На аллее слышится стук копыт скачущей лошади, который внезапно смолкает в нескольких арпанах от дома.

Человек спешивается; лошадь его тяжело дышит, и в прохладе вечера от неё идёт пар. В руках он несёт нечто такое, в чём под складками широкого плаща угадываются очертания человеческого тела.

Оставив лошадь, этот человек сходит с аллеи и углубляется в лес.

Пройдя около тридцати шагов налево, он останавливается, наклоняется к корням дерева, прикрытым зарослями кустарника, и тянет к себе скрытое листвой кольцо, отчего открывается люк, искусно замаскированный под травой.

Под этим люком зияет отверстие глубиной в несколько футов.

Несколько ступеней, вырубленных в скале, ведут в длинный подземный ход, прорытый в сторону замка.

Человек спустился по ступеням и закрыл за собой люк. Затем он положил свою ношу на землю и вынул из кармана огниво, с помощью которого зажёг один из фонарей, висевших у входа в подземелье.

После этого он вновь поднял свою ношу и двинулся дальше.

Его фонарь отбрасывал бледный свет на сырые стены, позволяя разглядеть больших пауков, которых, должно быть, давно никто не тревожил, так спокойно они дремали в лёгких гамаках, прикреплённых ко всем выступам; между тем маленькие ящерицы и другие подобные пресмыкающиеся разбегались из-под ног незваного пришельца и скрывались в трещинах каменного пола.

Но Сурнуа, в котором читатель, вероятно, уже узнал нашего знакомого, казалось, нисколько не заботился ни об отвратительных насекомых и пресмыкающихся, ни о сыром воздухе; твёрдым шагом он дошёл до конца подземного хода, где находилась лестница, похожая на ту, что была у входа.

Он поднялся по ступеням и, когда его голова достигла свода коридора, нажал большим пальцем на медную кнопку, отчего тайный механизм открыл второй люк, ведущий в подвал маленькой западной башни.

Другая лестница вела сначала на нижний этаж, а затем к единственной комнате верхнего этажа, дверь которой Сурнуа отпер ключом, извлечённым из искусно устроенного в стене тайника.

Комната, в которую он вошёл, была очаровательна — настоящий будуар маркизы.

Мягкий персидский ковёр заглушал здесь шум шагов, а занавеси из красного дамаста, чьи тяжёлые шелковистые складки изящно ниспадали до самого пола, мешали любопытным взглядам снаружи проникать в комнату.

Возле изящной белой кровати, наполовину скрытой в алькове, стоял богатый комод из атласно блестевшего наборного дерева, над которым висело венецианское зеркало. На этом предмете мебели был разложен прелестный туалетный прибор, многочисленные вещицы которого, сделанные из позолоченного серебра, содержали столь распространённую тогда пудру, различные помады и всевозможные духи, необходимые молодой нарядной женщине.

Двухместный диванчик и два кресла, также из атласно блестевшего дерева, обитые красным бархатом, словно ожидали изысканных посетителей. Глядя на толстые бархатные подушки, лежавшие у подножия каждого из этих сидений, невольно думалось, как выгодно должны были выделять маленькую женскую ножку прелестные ботинки на багряном фоне бархата.

Великолепные гобелены мануфактуры Гобеленов, выписанные Биго из Франции за большие деньги и изображавшие сюжеты из любовной мифологии, покрывали стены комнаты; а пухлые амуры, нарисованные на оштукатуренном потолке, пускали стрелы в шаловливых пастушек, которые, судя по вызывающим позам и коротким, лёгким, прозрачным платьям, столь же мало заботились о своей добродетели, сколь и о своих овцах.

— Чёрт возьми! — сказал себе Сурнуа, укладывая на кровать всё ещё бесчувственную девушку. — Вот славное местечко, чтобы поужинать в компании двух приятелей, с паштетом из дичи и сколько душе угодно отборного вина! Как же счастливы эти богачи! Им всё, а нам ничего! Но ничего, я надеюсь настолько пополнить кубышку, которую спрятал в подземелье рядом с хозяйской, что через пять или шесть лет смогу вернуться жить во Францию.

Вот тогда-то, чёрт побери, и мне доведётся вкусить этой жизни, полной удовольствий, под вымышленным именем! Но для этого придётся несколько повысить те небольшие подати, которыми я до сих пор облагал кошелёк господина интенданта. Да и зачем мне мучиться угрызениями совести? Разве сам дьявол не смеётся над вором, обирающим другого вора? Но постой! Неужели эта девица так перепугалась меня, что в один миг рассталась с жизнью?

Сурнуа только что приоткрыл плащ, и свет фонаря упал прямо на девушку, чьё прекрасное лицо было бледным, как у покойницы. Наша героиня не шевелилась, и казалось, что дыхание жизни покинуло её грудь, если судить по полному отсутствию движений и звуков дыхания.

— Ну и ну! — сказал слуга. — Умерла она или нет, мне безразлично! Я добросовестно и в точности исполнил приказания хозяина, моя задача теперь завершена, а уж возвращать эту красавицу к жизни — его дело. Что до меня, то я отправляюсь ужинать, потому что эта скачка во весь опор разожгла во мне дьявольский аппетит!

Сурнуа зажёг розовую свечу, стоявшую в серебряном подсвечнике на комоде, и удалился тем же путём, каким пришёл.

Однако перед выходом из подземелья он остановился возле входного люка и привёл в действие пружину, открывшую небольшую железную дверцу, которая закрывала тайник в левой стене. Из него он вынул шкатулку и торопливо её открыл.

При виде нескольких стопок золотых луидоров, устилавших дно шкатулки рядом с бумажником, из складок которого высовывалось немало казначейских обязательств, его губ коснулась довольная улыбка.

Он закрыл шкатулку и дверцу тайника, после чего завистливо поглядел на противоположную стену.

— Хозяин запретил мне трогать другой тайник, — сказал он себе, — и пригрозил ужасной катастрофой, если я осмелюсь протянуть руку в ту сторону. Кто знает, не хотел ли он всего лишь напугать меня? Быть может, скоро представится случай провести на этот счёт опыт, удача которого одним разом исполнит все мои желания.

Постояв несколько минут перед этой сырой стеной, на которой, однако, не было видно никаких следов отверстия, доверенный слуга господина интенданта поднялся по ступеням, вышел из подземелья и закрыл его люк.

Когда он вернулся на аллею, то встретил нескольких всадников. Это были интендант и его свита.

Сурнуа обогнал их по дороге, пустив лошадь во весь опор. Биго, успевший мельком увидеть девушку под плащом, был вне себя от радости. Его друзья, со своей стороны, притворились, будто ничего не заметили.

Интендант наклонился с седла и шепнул Сурнуа несколько слов на ухо, на что слуга ответил столь же тихо.

— Превосходно! — сказал Биго, выпрямляясь. — Ступай и передай мой приказ немедленно подавать ужин.

Пока Сурнуа направлялся к кухне тем поспешнее, что его желудок уже сам подсказал ему мысль об этом паломничестве, Биго и его гости передали лошадей лакеям и вошли в замок.

Два часа спустя столовая Бомануара представляла зрелище, способное поистине привести в восторг моралиста, которому довелось бы услышать разговор интенданта и его друзей.

Ужин подходил к концу.

Господа уже добрались до сыра, а вино, начавшее ударять им в голову ещё со второй перемены блюд, продолжало ходить по кругу с бóльшим оживлением, чем когда-либо, и теперь свидетельствовало о превосходстве своего сорта тем согревающим действием, какое оказывало на сотрапезников.

Все приглашённые говорили и жестикулировали одновременно. В своём возбуждении, вызванном крепкими винами, гости невольно обнаруживали наиболее заметные черты собственного характера.

Так, остроумный и злоязычный Дешено забавлялся тем, что поддразнивал бывшего мясника Каде, который, сделавшись генеральным поставщиком армии, так и не сумел избавиться от грубости манер, усвоенной во время своего первоначального воспитания. На тонкие выпады и язвительные остроты секретаря Каде умел отвечать лишь грубыми банальностями, подкреплёнными бранью, неуместной в устах человека его положения.

Что до Корпрона, старшего приказчика Каде, то, хотя собственная выгода побуждала его защищать хозяина, проблеск здравого смысла, ещё освещавший сквозь пары опьянения его скрытный и хитрый ум, советовал ему не навлекать на себя вражду секретаря; поэтому он лишь отражал самые сильные уколы Дешено, не вступая в прямую схватку с этим опасным и влиятельным противником.

Что касается Девилье, сменившего контролёра морского ведомства Бреара — тот вернулся во Францию чрезвычайно богатым, — то он пил, не участвуя в этой раздражительной и коварной перебранке. Он был человеком ничтожным, начинал простым писцом в канцеляриях морского ведомства. «Никто, — говорится в „Записке о делах Канады“, — не был столь ненасытен и столь недобросовестен, как он, а нравы и поведение его вполне отвечали порочности его ума».

Он молча напивался, как выскочка, любящий застольные удовольствия и не желающий вмешиваться в обсуждение мелких слабостей и прегрешений других из опасения, что при опасном сопоставлении вскроются ещё более постыдные мерзости, числящиеся за ним самим.

Интендант только что отослал всех слуг, опасаясь, как бы те не воспользовались какой-нибудь неосторожностью, допущенной захмелевшими гостями.

Его озабоченное чело выдавало некую внутреннюю тревогу, достаточно сильную, чтобы преследовать его даже среди забытья и наслаждений обильного ужина.

Думал ли он о трудностях, какие предстоящие военные события должны были поставить на его и без того крайне затруднённом пути, а также о грозе, уже рокотавшей на его омрачённом горизонте и способной принести от королевского двора молнию, предназначенную поразить неверного интенданта?

Или, напротив, он размышлял, какими средствами добиться любви девушки, которую в тот же вечер приказал похитить с такой жестокостью?

Несомненно, одна из этих двух мыслей и занимала его, когда он вдруг был вырван из задумчивости звоном тарелки, которая, задев его лицо, разлетелась вдребезги о стену.

Каде только что метнул этот снаряд в голову Дешено.

Вот что вызвало этот скандал.

Дешено, завидовавший быстрому обогащению Каде, сперва стал насмехаться над тем, как непопулярны были огромные сборы зерна, производимые по деревням генеральным поставщиком, сборы, впрочем, весьма прибыльные, прибавил он, для того, кому поручено их производить.

— А вы, — ответил Каде, — неужели думаете, что квебекские горожане почитают вас святым? Мало того что вы собираете с них налог на содержание казарм, чего уже довольно, чтобы навлечь на себя недоброжелательство жителей, так ещё и открыто говорят, будто половину этих сборов вы кладёте себе в карман.

— О, чёрт возьми, вот так шутка! — возразил Дешено. И неужели вы, любезный друг, полагаете, будто история с тем круглым миллионом, который вам выплатили при вступлении в должность, поучительнее истории с налогом?

— Но, — осторожно вмешался Корпрон, — вы ведь должны были видеть, господин секретарь, отчёт о расходовании этого миллиона, который мы представили господину интенданту. Так зачем же останавливаться на низкой клевете?

— Полноте, милый Корпрон, — сказал ему Дешено с циничным смехом, — я считал вас поумнее! Разве мы все здесь не знаем друг друга довольно хорошо, а? Между нами такое притворство просто смешно. Так что будьте уверены: несмотря на ваш мудрёный отчёт, составленный, чтобы пустить пыль в глаза господам министрам там, за морем, я прекрасно знаю, какие славные суммы вы с Каде урвали из миллиона франков, выданного поставщику. Но речь не об этом.

Ведь между нами решено, что все чиновники этого правительства стараются опередить друг друга в том, кто скорее разбогатеет, а оно, впрочем, всего лишь берёт пример с правительства госпожи де Помпадур. Я хочу упрекнуть Каде в том, что он ставит под удар всех нас.

— И каким это образом, гром и молния?! — воскликнул Каде. — Неужели я, часом, не так хитёр, как вы?

— Я последним стал бы отказывать вам в самых блестящих умственных достоинствах, — сказал Дешено насмешливым тоном, который лишь ещё сильнее взбесил Каде. — Но согласитесь, что вы взяли чересчур высокую ноту. Народ, умирающий с голоду, негодует при виде вашего столь роскошного стола, да ещё камердинеров, лакеев и метрдотеля!

— Э, тысяча чертей! Да мне плевать, что говорит чернь! Я лишь поддерживаю своё положение, вот и всё!

— Ваше положение? Ваше положение? Ба!

— Как? Разве я не равен вам и даже не выше вас?

— Равны — ещё куда ни шло; но выше?..!

— Для человека, родившегося в сапожной лавке, вы слишком много о себе воображаете, господин секретарь!

— Ого! Господин генеральный поставщик, значит, вы заговорили таким тоном? Прежде всего, не думаю, что должен уступать бывшему свинопасу. А затем позвольте повторить вам остроту, облетевшую весь Квебек, когда вас возвели в должность, которую вы ныне занимаете и которой, разумеется, не обязаны упорным занятиям. Удивительно, говорили тогда, как быстро Каде-мясник сумел сменить нож на шпагу.[7]

— Подлец! — взревел Каде, схватил тарелку и швырнул её в лицо ехидному Дешено.

— Господа! Господа! — воскликнул Биго. — Вместо того чтобы напиваться и ссориться, лучше бы нам, полагаю, подумать, как выбраться из тупика, куда нас завело управление, более чем сомнительное. Пока вы почиваете на плодах своих злоупотреблений, я один забочусь о спасении всех нас.

В самом деле, кто до сих пор сумел поддерживать глухую вражду между господином де Водрёем и маркизом де Монкальмом и снискать нам покровительство ослеплённого губернатора? Кто дал вам возможность, чтобы успеть вернуться во Францию до бури, обратить в звонкую монету значительное богатство, накопленное вами в виде казначейских обязательств? Разве не я же, позаботившись отправить во Францию помощника коменданта Пеана, особой задачей которого было прислать нам этой весной суда с товарами, проданными нами на вес золота?

— Бедный Пеан! — перебил Каде, всё ещё наполовину пьяный. — Должно быть, он скучает по своей хорошенькой жене, которую по вашему совету оставил в Квебеке.

— Господин Каде, — сухо ответил Биго, — поверьте, вы шутите совсем некстати. Чтобы убедить вас в этом, я прочитаю письмо, недавно полученное мною от нового министра морского ведомства, господина Беррье. Хотя оно касается и вас, и этих господ не меньше, чем

[7] Все упоминания лиц, участвующих в этой сцене, строго историчны. См. «Мемуары о делах Канады».

меня, я не хотел сообщать вам о нём до сегодняшнего дня, ибо мне было тяжело нарушить ваше спокойствие.

Припомните лишь, что, когда этой весной прибыл корабль, доставивший нам из Франции первые известия нынешнего сезона, я предупредил всех вас быть настороже, поскольку буря уже начинала греметь. А теперь послушайте, что пишет мне министр морского ведомства.

Биго вынул письмо из кармана своего жюстокора.

Гости подались к интенданту с тревожными лицами, и по мере того как Биго читал, их испуганные выражения показывали, как быстро рассеивался хмель под ударом суровых истин, заключённых в грозном послании министра.

«Вам лично ставят в вину, — говорилось в письме господина Беррье к Биго от 19 января 1759 года, — что вы препятствовали торговле свободно снабжать колонию. Генеральный поставщик, — Биго нарочно подчеркнул при чтении последние слова, — генеральный поставщик захватил всё в свои руки и назначает на всё какую пожелает цену.

Вы сами велели закупать для короля из вторых и третьих рук то, что могли бы получать непосредственно от первого продавца и вдвое дешевле; вы обогатили связанных с вами людей, позволив им участвовать своими интересами в этих закупках и иных предприятиях; среди всеобщей нищеты вы окружаете себя величайшей роскошью и предаётесь самой крупной игре.

Прошу вас самым серьёзным образом задуматься о том, как до сих пор велось вверенное вам управление. Это важнее, чем вам, быть может, кажется».[8]

Закончив чтение, Биго посмотрел на Каде, который особо упоминался в официальном послании.

Генеральный поставщик утратил своё высокомерие. Он сидел, не отрывая взгляда от стола, растерянный, бледный, осунувшийся, отупевший.

Остальные гости выглядели не более успокоенными.

— Простите меня, дорогие гости, — прибавил интендант, — за то, что заставил вас окончить этот ужин на столь печальной ноте. Но положение чрезвычайно критическое, и пришло время искать доску спасения, чтобы не пойти ко дну в бездне, грозящей нас поглотить.

В жизни бывают тяжёлые этапы, когда даже самый счастливый человек должен остановиться и как следует рассчитать разбег, который поможет ему благополучно перепрыгнуть через пропасть, неожиданно разверзшуюся перед ним по воле непостоянной судьбы. Именно в таком положении теперь находимся все мы, вы и я, ведь вы не должны скрывать от себя, что, падая, я увлеку вас с собой в бездну.

Итак, раз настало время действовать, сумеем на некоторое время забыть удовольствия лёгкой жизни, которую мы вели до сих пор, и вновь стать людьми энергичными. Разработаем наш план, соберём все силы, чтобы принудить судьбу помочь нам, а не дать нам упасть. И когда мы преодолеем опасное препятствие, там, на французской земле, мы возобновим нашу весёлую жизнь.

— Браво! Браво! — закричали Дешено и Девилье.

— Вы правы, — сказали одновременно Корпрон и Каде.

— Но, — продолжал Биго, — нам тем более необходимо действовать сообща, что придётся столкнуться с непредвиденными обстоятельствами. Признаюсь, некоторый план, который я составил на случай нашего весьма скорого возвращения во Францию, становится неисполнимым, по крайней мере в нынешнем году, ввиду похода, который эти проклятые англичане предприняли против Квебека. В самом деле, как поверить, что король согласился бы принять наши отставки накануне неминуемого кризиса, через который вскоре предстоит пройти колонии?

[8] Исторический факт.

Очень жаль, ведь помимо того, что нынешней весной мы сумели обратить в наличные приобретённые нами богатства, я уже принял меры к тому, чтобы все вы последовали за мной во Францию ещё в этом году. Гроза разразилась бы лишь над нашими преемниками. Я даже начал приводить этот замысел в исполнение. Так, комиссар морского ведомства в Монреале Варен обязан своим возвращением во Францию исключительно моим ходатайствам.

— Вот кому повезло! — пробормотал Дешено. — Теперь он без тревог наслаждается огромным состоянием, которое сумел нажить за очень короткое время.

Я сумел также выхлопотать Пеану под предлогом плохого здоровья отпуск, позволивший ему приобрести там обширные владения. Так я и намеревался заставить вас одного за другим отступить во Францию, оставив за собой, как за вашим начальником, самую опасную часть этих поистине стратегических действий — в одиночку составить ваш арьергард и последним покинуть заминированную землю, которая каждую минуту грозит взорваться у нас под ногами.

Но поскольку все эти прекрасные планы будут разрушены скорым прибытием англичан, нам следует постараться извлечь из событий наибольшую возможную пользу и обратить в свою выгоду последствия, которые они могут иметь.

— Господа, — продолжал он, устремив на сообщников пристальный взгляд, заставивший каждого опустить голову, — как я уже говорил, ваша судьба тесно связана с моей. Моя гибель неизбежно повлечёт за собой вашу. Итак, уверенный в вашей молчаливости, я без колебаний доверяю вам страшную тайну, от которой зависит наше спасение. При том положении, в каком мы оказались в отношениях с господами королевскими министрами, единственное оставшееся нам средство спасения заключается, по моему мнению, в победе британского оружия и уступке Новой Франции англичанам.

Знаки согласия, невольно вырвавшиеся у гостей, показали Биго, что все поняли значение этого довода.

Вы понимаете, что, покидая страну после нескольких месяцев ожесточённой борьбы, нам будет ещё довольно легко отнести часть огромных расходов, понесённых до сих пор нашим управлением, на значительные издержки, которых потребует эта последняя и гибельная кампания. Тогда останется только защититься от нападок наших врагов по поводу прежнего поведения и прежнего управления.

Но, думаю, оказавшись во Франции, мы легко сумеем предупредить эту опасность, если каждый пожертвует несколькими тысячами экю на сохранение и приобретение влияния при дворе…

Если же наше оружие одержит победу, то представьте, какое бедствие нас ожидает. Наше управление затянется на неопределённое время, долги будут всё накапливаться, и мы окажемся перед необходимостью отчитаться по весьма щекотливым счетам, когда терпение и щедрость короля иссякнут при виде стольких миллионов, зарытых под несколькими арпанами снега, как господин Вольтер определяет — весьма неудачно, между нами говоря, — обширную и богатую территорию Канады.

Поэтому я полагаю — и лишь после долгих размышлений пришёл к этому крайнему средству, — я полагаю, что нам придётся силой принудить судьбу благоприятствовать английскому оружию, если наше будет упорно приносить нам победы.

— Но, — перебил Каде, заикаясь от страха, — стало быть, вы прибегнете к измене?

— Почему бы и нет?

Жалкие грабители, над которыми Биго возвышался всей высотой своего адского гения и непреклонной силы характера, вынуждены были склонить головы под холодным взглядом интенданта.

— Слушайте! — продолжал он. — Если у вас не хватит мужества самим пойти на риск этого необходимого дела — называйте его как хотите, — предоставьте эту заботу мне. Но горе тому из вас, кто когда-нибудь посмеет разжать по этому поводу губы! Вы знаете, что моя соб-

ственная полиция устроена хорошо и даже лучше королевской. Этому двойному предателю я не дал бы прожить и двух дней. Ваша роль будет очень проста.

Теперь вы все достаточно богаты, чтобы прекратить свои хищения. Так ведите же честно общественные дела, проявляйте большое рвение к королевской службе, чтобы окончательно ослепить маркиза де Водрёя и убедить генерала де Монкальма в чистоте наших намерений. Всё остальное я беру на себя. Договорились, господа?

Все гости одновременно протянули ему руки.

— Хорошо! Давно ли, Дешено, вы видели де Вергора?

— Совсем недавно я обедал с ним.

— Помнит ли он знаменитую услугу, которую я оказал ему, избавив от последствий суда, которому он подвергся в 1757 году за свою трусливую оборону форта Босежур?

— Он как раз рассказывал мне об этом при нашей последней встрече.

— Хватает ли у него ещё сердца, чтобы испытывать ко мне благодарность?

— Ну, в этом можно и усомниться, не рискуя вынести опрометчивое суждение; однако он при каждом удобном случае вновь уверяет меня в своей преданности вам.

— В таком случае надо будет поддерживать его добрые намерения, напоминая, как легко я мог бы погубить его, если бы он когда-либо отказался повиноваться мне хоть в чём-нибудь.

— Это будет нетрудно.

— Кроме того, извольте в ближайшие дни передать ему, чтобы он был готов по первому моему требованию. А теперь, дорогие друзья, можете оставаться за столом или, если предпочитаете, отправиться отдыхать. Что до меня, я пойду спать. Ведь завтра нам придётся быть на ногах рано, если не хотим пропустить охоту.

Биго позвонил и приказал принести золотой подсвечник с ручкой, свечу в котором зажёг Сурнуа.

В главном корпусе замка у интенданта была спальня. Но только для виду, поскольку он почти никогда не проводил в ней ночь. На самом деле он спал в западной башенке, где занимал в нижнем этаже небольшую комнату под той, куда, как мы видели, Сурнуа отнёс девушку.

Эту особенность знали только Биго, Сурнуа и госпожа Пеан, которым одним были известны пути сообщения с башенкой, с виду совершенно отделённой от остального здания. Поэтому обслуживать башенку поручалось одному Сурнуа, и когда ветреная госпожа Пеан приезжала туда пожить, безобразный слуга на время становился пажом жены бедного помощника коменданта.

Итак, интендант направился в ту спальню замка, где, как предполагалось, он должен был ночевать. Она находилась на нижнем этаже и выходила окнами на север.

Он вошёл, запер дверь изнутри и, приблизившись к кровати, сбил на ней покрывала и два или три раза ударил кулаком по подушкам, чтобы создать впечатление, будто он здесь спал.

Затем он зажёг потайной фонарь, погасил свечу в подсвечнике и направился к шкафу, задняя стенка которого была вделана в стену.

Он открыл шкаф и нажал на скрытую пружину, повернувшую панель, незаметно встроенную в деревянную обшивку. За этим тайным проходом обнаружилась небольшая потайная лестница, спускавшаяся внутри толстой стены.

Интендант закрыл за собой дверцу шкафа и панель и вступил на тёмную лестницу, едва достаточно широкую, чтобы по ней мог пройти один человек.

Спустившись на двенадцать ступеней, он наткнулся на другую дверь. Он коснулся её пальцем. Она бесшумно отворилась и закрылась, словно по волшебству.

Биго оказался в подвале замка.

Он направился прямо к западной торцовой стене, где ещё один проход, доступный лишь тому, кому был известен его секрет, открылся перед ним и провёл его под нижний этаж башенки.

— Не знаю даже, как примет меня эта девушка, — произнёс он, поднимаясь по ступеням.

Подойдя к комнате, где Сурнуа оставил бедную девушку одну, без сознания, Биго осторожно постучал.

Не получив ответа, он открыл дверь и вошёл в таинственный будуар.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕРТА

Когда девушка пришла в себя, прошёл уже час с тех пор, как Сурнуа оставил её без сознания в западной башне.

Роскошь комнаты, бледный свет свечи, падавший на богатую узорчатую шпалеру с изображениями людей, покрывавшую стены, и царившая в комнате тишина показались ей поначалу лишь продолжением сновидений, тревоживших её во время обморока.

Но усталость, которую она тотчас ощутила во всём теле, окончательно пробудила её, и она села на постели.

— Боже мой! — сказала она себе. — Где же я? Что произошло?

Её глаза с любопытством, смешанным со страхом, разглядывали незнакомые предметы, окружавшие её.

Несколько минут её взгляд медленно переходил с одной вещи на другую, с той неспешностью, которая выдаёт глубокую погружённость в мысли.

Она старалась вспомнить.

Когда её взгляд остановился на одном из мифологических сюжетов шпалеры, изображавшем со всем цинизмом, на какой была способна та эпоха, Юпитера, переодетого сатиром и заставшего врасплох Антиопу, кровь прилила к её щекам.

Девичья стыдливость заставила её с отвращением отвернуться от этого прозрачного иносказания, смысл которого она всё же понимала лишь наполовину.

Затем она соскочила с кровати с таким ужасом, словно лежала среди пресмыкающихся.

Теперь она вспомнила события вечера: встречу с интендантом Биго, страх, который внушила ей погоня, циничные речи и нападение Сурнуа.

— О Боже мой! — воскликнула она, падая на колени. — Защитите меня от преступных замыслов интенданта! А вы, мой добрый отец, и ты, любимая матушка, теперь пребывающие на небесах, не допустите, чтобы ваше дитя стало жертвой этого бесчестного человека!

Затем в голове девушки внезапно созрело решение.

Она бросилась к двери и попыталась её открыть. Но Сурнуа запер её снаружи на засовы, и усилия бедного дитяти оказались напрасными.

Тогда она направилась к одному из окон, предварительно раздвинув тяжёлые занавеси.

Вокруг замка царила полная тишина, а луна, показывавшаяся среди верхушек высоких деревьев, словно безмятежно покачивалась, погружённая в сон на этом ложе из листвы, которое лёгкий ветерок тихонько колыхал, подобно светловолосой креолке, качающейся в гамаке и грезящей о любви.

Наша героиня испуганным взглядом измерила расстояние, отделявшее её от земли.

Высота была не меньше тридцати футов!

Как преодолеть это препятствие, стоявшее на пути к бегству, когда она так слаба и совсем одна?

Эта мысль снова поколебала её мужество, и она заплакала. Тогда, как нередко бывает в безвыходных положениях, счастливые воспоминания прошлого слетелись целой стаей, точно весёлые птицы, и опустились на её чело. Ведь несчастье, кажется, нередко находит удовольствие в том, чтобы соединять насмешку с жестокостью, усиливая нынешние страдания мучительным контрастом с воспоминаниями об исчезнувших радостях.

Поэтому перед глазами мадемуазель де Рошбрюн прежде всего прошли счастливые эпизоды её детства.

Она вспомнила ласки, которыми осыпала её мать, представшая в её воображении словно белое видение, склонившееся над детской кроваткой, чтобы подарить ей последний вечерний поцелуй.

Она вновь увидела себя между госпожой и господином де Рошбрюн. Отец держал дочь на коленях и обувал её крошечные ножки в прелестную пару мокасин, которые привёз из похода против индейцев. Девочка хлопала в ладоши при виде ярких вышивок из игл дикобраза, окрашенных в разнообразные живые цвета.

Затем госпожа де Рошбрюн, умершая, когда её дочери ещё не исполнилось шести лет, исчезала из этой картины, и Берта оставалась наедине со старой служанкой, которая старалась своими ласками заставить девочку забыть смерть матери и отсутствие господина де Рошбрюна, которого служба в тёплое время года надолго удерживала вдали от Квебека.

Потом приходило воспоминание об одном лете, проведённом в Шарльбуре, куда старая Мари отвезла её к родственнику служанки.

Сквозь слёзы Берта не могла удержаться от улыбки, представляя, как бегала с двумя девочками своего возраста по весёлым холмам Шарльбура.

Небо было голубым, солнце сияло, а бабочки встряхивали золотистыми крыльями над душистым сеном. Вдруг одна из маленьких крестьянок останавливалась с радостным криком. И три проказницы опускались на колени возле кустика прекрасной земляники, розовой, как жадные губки, которые её лакомились.

Улыбка продолжала трогать её губы при одном воспоминании о том, как после этой весёлой прогулки сын фермера подарил ей маленького зайчонка, которого только что поймал в соседнем лесу.

Биби, поначалу пугливый, вскоре настолько приручился, что стал брать корм прямо из передника своей маленькой хозяйки. Тогда она осыпала поцелуями длинные шелковистые уши зайчонка, который, несмотря на это, продолжал усердно хрустеть едой, делая короткие движения головой, приводившие девочку в восторг.

Потом наступала зима, и Берта сидела у огня со своим отцом и маленьким другом Раулем де Болаком.

Этот мальчик, который был на три года старше Берты, каждый вечер приходил слушать рассказы о битвах и сражениях, воспламенявшие его юное воображение.

Пока старая Мари вязала, наполовину скрытая в тени за выступом широкого камина, пламя с треском горело в очаге и заставляло плясать по стенам комнаты причудливые тени, которые дети принимали за призраков погибших воинов, о славных подвигах которых рассказывал им старый солдат.

Её сердце забилось ещё быстрее, когда память вернула ей первые проблески любовного чувства.

Это было июльским днём того года, когда умер господин де Рошбрюн.

Оба ребёнка — Берте тогда было двенадцать лет, а Раулю пятнадцать — вышли из города порезвиться на лугах, зеленевших там, где теперь расположен предместный квартал Сен-Жан.

Воздух был тёплым и душистым. Солнце медленно склонялось к горизонту, разливая потоки света по водам реки, которые словно дремали в заливе, образованном северным берегом Святого Лаврентия и устьем реки Сен-Шарль.

Белые домики Бопора отражали свои красные остроконечные крыши в спокойной и прозрачной речной воде; а дальше, между зелёным Орлеанским островом и мысом Леви, парус лодки неподвижно замер, убаюканный безветрием и лёгким покачиванием ленивых волн.

Время от времени над городом поднимался шум, наполовину заглушённый расстоянием, и доносился до детей.

Вокруг них стрекотали цикады. Птички порхали среди зелёных колосьев и перекликались друг с другом щебетом.

Берта, которой тогда было всего двенадцать лет, предавалась наивной и бессвязной болтовне; её слова следовали за полётом игривых мыслей, а порой и за стрекозами с золотистыми тельцами, чьи прозрачные крылышки временами шелестели у самого её уха.

Что же до Рауля, его полные пятнадцать лет, а также ещё одна причина, тайну которой мы вскоре узнаем, придавали ему серьёзный и мечтательный вид, тем более удивлявший Берту, что с некоторых пор она замечала, как её товарищ по играм становился с нею молчаливым и задумчивым.

— Что с тобой, Рауль? — внезапно спросила она, когда он вздохнул, украдкой бросив долгий взгляд на свою подругу. — Я тебя чем-нибудь огорчила, что ты такой печальный?

— О нет!

— Тогда ты сердишься?

— Ещё меньше.

— Но ведь с тобой что-то происходит?

Сначала он не ответил, а затем, словно против воли, произнёс:

— Видишь ли, ты ещё слишком мала, чтобы меня понять.

— Ах! В таком случае храните свои тайны, сударь, — ответила Берта, и рыдание заставило её голос дрогнуть.

Рауль не выдержал и, взяв её за руку, которую она подала ему без стеснения, но и без волнения, сказал:

— Ну что ж, я люблю тебя, Берта!

— И оттого ты такой печальный?

— Да, потому что я часто думаю, что однажды ты полюбишь другого и выйдешь за него замуж.

— Разве я не обещала тебе стать твоей маленькой женой?

Рауль вздохнул ещё сильнее прежнего. И когда Берта, улыбаясь сквозь слёзы, наклонила к нему голову, этот негодный мальчишка, воспользовавшись своей силой и удобным случаем, обнял ребёнка за шею.

Их губы встретились в поцелуе, чистом, как поцелуй ангелов.

Когда они вернулись в город, Берта тоже была задумчива, а вечером заснула, шепча имя Рауля.

Эта последняя сцена, вновь развернувшаяся перед глазами нашей героини, заставила её пролить новые слёзы.

С тех пор они продолжали любить друг друга. И Рауль де Болак, ставший теперь блестящим офицером, не без основания считался счастливым женихом мадемуазель де Рошбрюн.

— Боже мой! — воскликнула она, возвращаясь к действительности. — Узнает ли Рауль, что со мной стало? А если он начнёт искать меня, догадается ли добраться сюда? Направьте его ко мне, Господи, чтобы он спас меня, пока ещё есть время!

Эти последние мысли, вновь обратив её к собственным печалям, заставили перебрать несчастья, обрушившиеся на неё осенью тысяча семьсот пятьдесят пятого года.

Она вспомнила, как её отец вернулся раненым после сражения на Мононгахеле и какое потрясение испытала старая Мари, которая от неожиданности оказалась разбита параличом и умерла три недели спустя.

Ведь в те счастливые времена слуги нередко любили своих господ не меньше, чем родных.

Затем перед нею во всём своём ужасе встала мрачная картина последовавшей нужды. Она снова увидела себя, умирающую от голода, рядом с телом отца, который рухнул от истощения на пороге дворца интенданта.

— И тот самый человек, который в некотором роде способствовал смерти моего отца, теперь держит меня в своей власти! — подумала она, решительно утирая слёзы рукой. — Ах! Лучше тысячу раз умереть, чем остаться здесь!

Она распахнула окно и наклонилась наружу, словно собираясь броситься вниз.

Но внезапная мысль удержала её.

Три шага отделяли её от постели, с которой она поспешно стянула тонкие льняные простыни.

Крепко связав три простыни одну за другой, она вернулась к окну.

Быстрый взгляд наружу убедил её, что поблизости никого нет.

Прислушавшись, она услышала лишь кваканье лягушек, чьё однообразное пение доносилось из пруда, образованного течением ручья, да шелест ветерка в листве.

Удерживая один конец в руке, она выбросила из окна другой конец связанных простыней.

Полотно скользнуло по стене сверху вниз, словно длинный белый призрак.

Берта не смогла сдержать тихого радостного возгласа, увидев, что ткань достигла земли у подножия башенки.

Это подобие лестницы поможет ей бежать.

Она как раз собиралась привязать к оконному шпингалету оставшийся у неё конец простыни, когда услышала шаги, от которых заскрипела узкая лестница башни.

Холодный пот выступил у неё на теле, её пробрала нервная дрожь, и она замерла, прислушиваясь.

Ещё один узел — и она спасена.

Но волнение так сильно сотрясало её руки, что ей не удалось довязать его. Дверные засовы с резким скрежетом задвигались в железных скобах, и снаружи кто-то постучал пальцем.

Вошёл мужчина.

Это был Биго.

Его взгляд прежде всего упал на постель, беспорядок на которой тем сильнее удивил его, что он не увидел той, кого надеялся там найти.

Затем он быстро окинул взглядом комнату.

Ничего.

Занавески скрывали от него Берту, дрожавшую от страха за этой ненадёжной преградой.

— Клянусь Сатаной! — крикнул Биго. — Неужели она убежала? Держу пари, проклятый Сурнуа забыл закрыть железные решётки, которыми при желании запираются окна. Берегись, мерзавец, если девчонка ускользнула через одно из них!

Он приближался к окну, в оконной нише которого стояла мадемуазель де Рошбрюн, когда та одной рукой отдёрнула занавеску и воскликнула:

— Если вы сделаете ко мне хоть один шаг, сударь, я брошусь с этой башни, и вы получите меня только мёртвой!

Интендант остановился, ошеломлённый, и проворчал:

— Этот негодяй Сурнуа и впрямь забыл решётки! Завтра он мне за это заплатит!

Потом, обращаясь к Берте, произнёс:

— Но, прекрасное дитя, я вовсе не желаю вам зла. Напротив. Ну же, немного успокойтесь и согласитесь меня выслушать.

— Мадемуазель Курси де Рошбрюн нечего выслушивать от господина Биго! — воскликнула Берта твёрдым голосом, исполненным гордого презрения.

Перед лицом оскорбления в ней восставала благородная кровь Рошбрюнов, полностью преодолевая нервное потрясение, на мгновение овладевшее ею.

Пока опасность казалась неопределённой и полускрытой под покровом тайны, ещё более устрашающей её приближение в глазах Берты, девушка боялась. Но теперь, когда угроза яснее

обозначилась перед ней, дочь баронов де Рошбрюн почувствовала, как вместе с негодованием возвращается её мужество при одной мысли об оскорблении — вещи, к которой благородные женщины не привыкли.

— Рошбрюн... Рошбрюн... Но ведь я знаю это имя, — пробормотал Биго, не смея сделать ни шага вперёд.

— О да, господин интендант, вы должны очень хорошо его знать, и если вы забыли ужасные обстоятельства, с ним связанные, нескольких слов будет достаточно, чтобы освежить вашу память и пробудить угрызения совести!

Помните ли вы старика, который четыре года назад явился к вам посреди блистательного собрания и бросил вам в лицо проклятие честного человека? Поседевший от военных трудов не меньше, чем от возраста, раненный на службе отечеству, благородный инвалид имел право рассчитывать, не правда ли, на половинное жалованье, которое милостью французских королей давно обеспечено нашим храбрецам.

Правда, поначалу ему его назначили. Но ваши друзья, столь же бессовестно крадущие хлеб у бедняка, как деньги у короля, вскоре перестали выплачивать ему это содержание.

Этот старик скоро впал в самую страшную нищету, и когда, изгнанный вашими лакеями, он упал умирать на пороге интендантского дворца, оказалось, что он уже пять дней ничего не ел.

Его дочь, тринадцатилетний ребёнок, которую нашли полузамёрзшей на его трупе, впоследствии поняла, какой ценой этот возвышенный человек сумел сохранить жизнь своему дитяти.

Этот старик был моим отцом, господином де Рошбрюном.

Эти слова, произнесённые громким и гордым голосом, властно прозвучали в ушах Биго.

Как прекрасна была теперь благородная девушка — прекрасна своим справедливым гневом, своим мужеством и своими семнадцатью годами!

Чистый греческий профиль её побледневшего от волнения лица выделялся на голубом фоне неба, подобно белой фигурке на античной камее.

Огонь гнева пылал в зрачке её чёрного глаза. Казалось, он излучал сияние одной из звёзд, сверкавших над её головой в лазури небосвода.

Левой рукой она опиралась на оконную раму, а вытянутой правой грозила Биго.

Стоя так в оконной нише, куда с одной стороны падал прозрачный свет луны, а с другой — слабый отблеск свечи, горевшей в глубине комнаты, девушка благодаря волшебной игре света и тени казалась белой феей, насылавшей чары на людей перед возвращением на небеса.

Воспоминания, пробуждённые мадемуазель де Рошбрюн, глубоко потрясли Биго.

Несколько раз он проводил рукой по лбу, словно желая прогнать тяжёлые мысли, которые вызвал в нём суровый укор Берты.

— О, этот старик!.. — пробормотал он. — Ещё бы мне его не помнить!.. Он часто стоит перед моими глазами...

Днём я вновь вижу его... таким, каким он явился мне в тот вечер, когда злой рок привёл его к моему дому... Я слышу, как он мне угрожает... Его зловещие предсказания до сих пор звучат у меня в ушах... и порой приводят меня в ужас... Ночью память о нём преследует меня даже во сне... Склонившись над моим изголовьем... его призрак возвращается, чтобы снова проклясть меня... И это его дочь!.. О, роковая судьба!

На мгновение он вновь поднял на Берту взгляд, который невольно опустил перед величественной осанкой и властным тоном дочери последнего барона де Рошбрюна.

Благородная поза Берты вместе с воспоминанием об её отце окончательно смутили его.

Бледный, взвинченный и встревоженный, он попятился к двери и вышел.

— Благодарю вас, Боже мой! Вы спасли меня! — воскликнула Берта. — А теперь дайте мне силы бежать. Но куда идти? Если я не ошибаюсь, я должна находиться здесь, в Бомануаре.

Этот безмолвный лес, дорога, по которой ехали интендант и его спутники, когда я их встретила, — всё об этом говорит. Только бы мне найти аллею и выбраться на шарльбурскую дорогу. Добравшись туда, я уж найду помощь и защиту. Но идти одной ночью через этот огромный лес!

Эта мысль заставила её содрогнуться.

И всё же она закончила привязывать простыню к шпингалету, решительно схватилась за неё и уже собиралась спуститься на землю, когда скрежет железа на ржавых петлях заставил её обернуться к стене.

Тяжёлая решётка снаружи повернулась на одном из оконных косяков слева направо.

Берта машинально протянула обе руки, пытаясь её оттолкнуть.

Но железная решётка, приведённая в движение скрытой мощной пружиной, продолжала свой неумолимый поворот.

Нежные пальцы девушки едва не хрустнули, ломаясь, в этой бесплодной борьбе хрупкой красоты с грубой материей.

О маленький выступ на одном из прутьев, острый, как кошачий коготь, порвалась тонкая кожа её белой руки, и выступила кровь.

И медленно, медленно, но с неодолимой силой механизма мощной машины решётка завершила своё движение и плотно прилегла к краям окна.

Раздался сухой щелчок, и когда обезумевшая Берта попыталась расшатать прутья своей темницы, они не шелохнулись, словно были вделаны в камень.

Она бросилась ко второму окну, но успела туда как раз к последнему щелчку пружины, чья стальная защёлка вцепилась в край точно такой же решётки.

Метнувшись к двери, она попыталась её открыть, но железная хватка засовов преградила ей путь и здесь.

Кровавая пелена застлала глаза Берты, и она рухнула на пол комнаты.

В ту же минуту внизу послышались шаги интенданта по полу комнаты нижнего этажа, где он спал.

— Этот хитроумный механизм обошёлся мне довольно дорого, — проворчал Биго, — но я об этом не жалею. Ну что ж! Клетка крепка, а птица не может улететь, и у меня будет достаточно времени подумать, что делать дальше.

На следующее утро в пять часов интенданта внезапно разбудили несколько ударов в дверь.

— Кто там?

— Ваш покорный слуга, — ответил визгливый голос Сурнуа.

— Чего тебе надо, негодяй?

— Передать вам очень срочное сообщение от господина губернатора.

— Право же, стоило будить меня так рано!

Надевая халат, Биго рычал, как дог, у которого отнимают кость.

Затем он пошёл открыть дверь и, продолжая ворчать, взял из рук посыльного письмо, запечатанное гербом маркиза де Водрёя.

Пока он ломал печать и бегло просматривал послание, Сурнуа вошёл в комнату своего господина.

«Господин интендант, — писал губернатор, — мы только что узнали от особого курьера, что вчера английский флот показался у острова Иль-о-Кудр[9]*.*

Поскольку неприятель окажется перед Квебеком через день или два, вы нам чрезвычайно нужны. Приезжайте немедленно.

---

[9] «Основные силы английского флота прибыли к острову Иль-о-Кудр двадцать третьего июня; несколько офицеров высадились на берег, и трое из них, удалившись на охоту, были застигнуты врасплох сьером Деривьером, который устроил засаду во главе нескольких ополченцев и индейцев-абенаков». М. Ферлан, т. II, с. 572.

Весьма вам преданный Водрёй».

— Нет, видно, все адские черти ополчились против меня! — закричал Биго, с яростью скомкав письмо и швырнув его в угол комнаты. — Упустить охоту, обещавшую столько волнений, да ещё в такой прекрасный день! — добавил он, бросив мрачный взгляд на яркое солнце, лучи которого, отражаясь от чистой воды в чаше краснодеревянного умывальника, весело плясали по стене.

Его гневу требовалась жертва. Сурнуа находился под рукой, и гнев обрушился на него.

— А ты, скотина вдвойне! — продолжал интендант всё более громким голосом. — Хорошенькую работёнку ты мне вчера устроил!

— Как же так, сударь? — ответил Сурнуа, стараясь держаться как можно подобострастнее, чтобы надвигавшаяся гроза, которую он уже предчувствовал, скользнула по его гибкой спине.

Но, видно, ему было суждено её не избежать.

— Как! Как! — воскликнул Биго, покраснев от ярости и приблизившись к Сурнуа. — Ты что, был пьян, пьяница, раз не догадался закрыть решётки в комнате, как я велел тебе делать всякий раз, когда...

— Простите... господин интендант, — перебил Сурнуа. — Я ничего не пил... после полудня... смею вас уверить... Это всего лишь вполне простительная забывчивость... ведь уже довольно давно здесь не бывал никто, кроме госпожи Пеан... Потому я и забыл... об этих проклятых решётках, которые оставались открыты... ведь с госпожой... господин хорошо знает, они ни к чему.

— На тебе, наглец! Дурак! — закричал Биго и сжатым кулаком ударил слугу прямо в лицо.

Удар пришёлся по красному бугристому носу Сурнуа, и его физиономия тотчас залилась кровью.

Интендант впервые так сорвался на своём камердинере.

И в то утро он действительно пребывал в убийственном настроении. Вчерашняя неудача в любовном предприятии, не принёсшая ему никакой славы, и лишение удовольствия поохотиться — право, этого было довольно, чтобы вывести из себя даже человека, менее привыкшего, чем роскошно живший Биго, к исполнению всех своих прихотей.

Оглушённый, ничего не видящий Сурнуа прислонился к стене, а немного придя в себя, попытался остановить кровь, ручьём лившуюся из его уродливой морды.

— Ступай умойся, — сказал господин уже более мягким тоном. — Потом разбуди господ и скажи, что нам нужно немедленно уезжать. Вот, — добавил он, бросив слуге несколько золотых луидоров, лежавших на прикроватном столике, — вот тебе компрессы, которые залечат рану. Поторопись и вернись помочь мне одеться.

Но Сурнуа, который тысячу раз продал бы душу за такое же число золотых монет, не взял денег, протянутых ему господином, и вышел, не сказав ни слова, но с яростью в сердце.

— Вот как! — подумал Биго. — Неужели господин Сурнуа так чувствителен? Уж не проникнут ли до наших лакеев притязания, которые нынче высказывают во Франции господа из мелкой буржуазии? Чёрт возьми! Этого я никак не ожидал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.